

МАКСИМ
ЗЛОБИН

САША
ТОКСИК

СКУФ

МАГ НА ОТДЫХЕ

18+

Максим Злобин
Саша Токсик
Скуф. Маг на отдыхе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73241593

SelfPub; 2026

Аннотация

Я самый сильный маг на планете.

Опора империи, страх врагам.

Побеждаю во всех войнах, а когда их нет – отдыхаю.

Так в какой момент моей жизни всё пошло не так?

Когда я согласился выполнить личную просьбу Императора?

Или когда ко мне в усадьбу прислали на практику целую толпу «альтушек»?

Кто такие «альтушки»? Как по мне, напасть, хуже любого монстра.

Магия, сиськи и энтузиазм при полном отсутствии мозгов.

А ещё их всё время кто-нибудь хочет убить...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	69
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Максим Злобин, Саша Токсик Скуф. Маг на отдыхе

Глава 1

Тах-тах-тах!

Вертушка медленно молотила лопастями воздух, зависнув над мёртвым лесом. В прямом смысле слова «мёртвом». Потому как ничего живого в окрестностях не осталось, только мрак, нежить и трое кадетов Русского Императорского корпуса, готовых сейчас принять свою гибель.

Менталист Костя Гринёв, со своим бесполезным против нежити даром. «Физик» Володя ... и «огневик» Стёпа Державин с выбранными до доньшка магическими резервами.

Пустые.

Хрррр! Справа от них покосилось засохшее дерево, и изпод него с фырканием и треском стал откапываться кадавр. Уже четвёртый по счёту из тех что их окружали. Что к перспективе их скорой и героической смерти уже ничего не прибавляло и не убавляло.

Гнездо нежити, в котором Лич выращивал свои ударные силы, кадеты отыскали. Задачу выполнили. А вот подмога

опаздывала. Та самая эвакуационная вертушка, которую они сейчас гипнотизировали взглядами безнадежно не успевала.

Бабах! Корпус вертолёта разлетелся на две части, а потом полыхнул огнём. Невесть откуда взявшийся костяной дракон с рёвом трепал вертушку, словно тряпичную куклу.

Теперь жопа, в которой оказались курсанты, стала полной и окончательной.

– Ну, Воло-о-одь! – с улыбкой протянул Степан Викторович Державин, снял с гвоздя берёзовый веник и окунул его в ведёрко. – Какой, нахрен, рёв? Дракон-то костяной. Чем ему реветь?

– Ну, – задумался министр обороны, Владимир Александрович – Ну ладно тебе, не докапывайся.

– Молчу-молчу! Кость, ложись...

Константин Васильевич Гринёв, глава Тайной Канцелярии, послушно растянулся на скамейке и подставил Степану Викторовичу спину.

– Только не сильно, – буркнул он. – Володь, рассказывай давай, не отвлекайся.

– Ну да! – согласился Владимир Александрович. – Вертушка, значит, взрывается, и тут прямо передо мной из-под земли начинает выкапываться кадавр...

– А кадавр – это что? – уточнил Сеня, племянш Владимира Александровича.

На посиделках с друзьями дяди он присутствовал не впервые, так сказать, наработывал полезные связи с младых ног-

тей, но попасть сюда, в святую святых для всего государственного аппарата Российской Империи, удостоился чести впервые.

– Кадавр – это хренатовина такая огромная, – пояснил министр. – Из трупов сшитая. Вроде как танк от мира нежити. Сильный, падла, здоровенный, так ещё и с защитой от магии. Лич ими наши укрепления штурмовал.

– Понял, – кивнул Сеня и решил ещё раз попытаться счастья: – А можно мне тоже пива?

– Да с хера ли?!

– Володь, да разреши ты парню выпить! – лицом в скамейку крикнул Константин Васильевич. – И рассказывай дальше!

– Ну ладно, – нахмурился министр. – Так... на чём я остановился?

– Кадавр, Володя! Кадавр!

– Ах, да. Кадавр. Так вот, вырывается прямо передо мной из-под земли кадавр. А я смотрю, ну не обычный он ни разу. Глаза зелёным светятся, вместо правой руки ковш экскаваторный, и сам весь как будто бы бронёй обшит...

– Ого, – отхлебнув из кружки, решил изобразить участие Сеня. – И что же дальше?

– Дальше ещё один появился, чуть левее, – продолжил Владимир Александрович. – А там и ещё один, уже со стороны болот. И четвёртый сзади подобрался. В общем, так и поняли мы, что нам тогда крышка.

На какое-то время в парилке воцарилась тишина. Лишь Степан Викторович легонько пошлёпывал веником Константина Васильевича.

– А как выбрались-то? – наконец-то подал голос Сеня. – Что случилось-то?

– Скуф случился, – ухмыльнулся министр.

– То есть?

– То и есть. Он на той самой взорвавшейся вертушке летел, нас вызволять. Дракону пасть разломал, упал неподалёку и к нам двинул.

– И-и-и? – не понял Сеня.

– И угандошил кадавров, чего не ясного-то?

И снова тишина.

– А как?

– Обыкновенно, – пожали плечами остальные. – Это же Скуф.

– Не понимаю, – Сеня почесал в затылке. – Раз этот ваш Скуф настолько крут, почему не он тогда министр обороны? Или... главнокомандующий какой? Или вообще канцлер?

Константин Васильевич хрюкнул в скамейку, а Степан Викторович не сдержался и заржал в голос.

– Ха, – по-доброму улыбнулся Владимир Александрович и потрепал племянника по мокрым волосам. – Да потому что, Сень. Я вот минобороны, да? И как думаешь, часто я могу вот так вот в бане посидеть, попариться? Не по делам чтобы, без выгоды, с душой?

– Ну...

– Нечасто, Сень, совсем нечасто, – тяжело вздохнул министр. – Только вот когда к Скуфу выбираюсь. А он, зараза, так каждый день живёт.

– Говнюк, – подытожил Степан Викторович, не скрывая зависти.

– И кому из нас, по-твоему, лучше?

В этот момент дверь в парилку распахнулась, и на пороге возник герой недавнего рассказа, Василий Иванович Скуфидонский собственной персоной.

– Так, пацаны, хорош языками чесать, давайте уже на выход, – тоном, не терпящим возражений, сказал Скуф. – Мясо готово. Мне Кузьмич мозг чайной ложкой съест, если остынет...

Итак...

Зовут меня Василий Иванович. Фамилия моя Скуфидонский. А позывной мой, стало быть, «Скуф». Для краткости и благозвучия. Фамилия моя настолько древняя, что страшно становится, и начало своё берёт аж с древней Руси. Предки мои ещё первым князьям послужить успели.

И царям.

И императорам.

И даже парочке императриц.

Короче говоря, всю дорогу Скуфидонские служили русским самодержцам, ну вот и я семейную традицию продол-

жаю.

Служу.

Возможно, кого-то такое положение вещей могло бы не устроить, а вот для нас лучшей участи нет. И дед мой с этим согласен был, и отец. Я ведь ещё, помнится по молодости, задавался вопросом: «Почему?»

И вот до чего додумался:

Во-первых, это всяким бедолагам слабосильным нужны чины и громкие звания, чтобы кому-то что-то доказать, а нам того не надо. Мы, если что, можем просто рожу сломать.

Ну а, во-вторых, командовать людьми это очень... просто невозможно утомительно!

Серьёзно!

Есть у меня один слуга или... как он там сам себя называет? Камердинером, кажется. Кузьмич. Вильгельм Куртович Зеехофер, если быть точным. Язык сломаешь, пока произнесёшь.

Австрияк.

Как так получилось, расскажу позже, сейчас не об этом. Сейчас о том, что Кузьмич меня в одну каску задолбать сумел. Всю жизнь его прогоняю, говорю: «Иди, Кузьмич! Живи своим умом! Беги, доходяга, ты свободен!»

А он мне, мол, нет да нет. Вы без меня, мол, барин, пропадёте. И не уходит. Я ему, помнится, даже денег предлагал, а он всё равно ни в какую.

А как-то раз его раз на вертолёте в тайгу отвёз за четы-

реста километров, но он ведь смышлёный, сука. Пока едет, дорогу запоминает. Как кошка.

А прицепился ко мне Кузьмич ещё во время войны.

Мы тогда с союзниками Вену от нежити зачищали, и я его от толпы зомбарей спас. Как именно спас, уже не помню; там ведь каждую минуту вокруг мясо происходило. Ну... вот Кузьмич на почве острых ощущений умишком-то и тронулся. Решил, что обязан мне жизнью, и поклялся служить вечно. По какому-то там своему благородному кодексу. Джентльмен типа.

Паскуда такая.

Ну...

Ладно уж, брюзжу.

Мужик он на самом деле в хозяйстве полезный. Русский освоил, как родной, и даже в менталитет нашинский с головой занырнул. Тощий разве что и бледный, как нежить. И бородака его эта... назову «козлиной», так ни за что, ни про что козлов обижу.

Опять же в этикетах разбирается.

– Ваше Благородие, – Кузьмич открыл перед Володей дверь автомобиля. – Удачной вам дороги.

Ну а я сейчас стоял на крыльце и махал товарищам рукой. Херово, конечно, что на ночь не остались, ну да ничего. Дела у них всё, заботы. Пашут как мерины в борозде.

Погода на дворе роскошная. Ранние августовские сумерки, первые звёзды и последние сверчки. В теле прямо-таки

невесомость. И ещё чувство алкогольной недосказанности, так что спать я точно не пойду. Пойду лучше зайду к Лёхе, проведу, как там дружище.

Кортеж богатых чёрных машин с мигалками и государственными номерами выехал за ворота, а я ещё чуток позалипал в небо и двинулся в путь.

Удалёнка не спала.

В окнах домов горел свет. Жители садового товарищества «Пересвет» разделяли мою светлую грусть и отдыхали в беседках и на крылечках, попивая кто пивко, а кто и что покрепче.

– Василий Иваныч! – крикнул сосед и воздел в небеса крепко сжатый кулак, мол, всё ништяк.

Я согласно кивнул и двинулся дальше.

По сухой раскатанной двухколейке, через шлагбаум и прямо в лес.

В Удалёнке я живу вот уже десять лет. С тех самых пор, как закончилась война и мне дали выбор – заниматься хрен пойми чем и продолжать выслуживать медальки в мирное время или же демобилизоваться в запас. Естественно, я выбрал второе.

Войны же ведь больше нет?

Нет.

Так что лучшее, чем я могу быть сейчас полезен своему Отечеству, так это быть довольным и отдохнувшим. Ведь... вдруг снова начнётся? А я как раз в тонусе и отличном на-

строении, готов приступить к скоростной поломке вражьих рож.

Ну а персональной императорской пенсии, которую я получал, хватало на все мои хотелки.

Дом – мечта.

Два этажа, гостиная с панорамными окнами на садик, гараж на две тачки, баня. Вместо парников и сраных грядок – аккуратный стриженный газон. Беседка с мангалом. Сад камней... ну... это приколюха Кузьмича; он там периодически медитирует и мычит на пустоту.

Плазма на всю стену, приставка, джакузи, стол для пинг-понга, барная стойка и даже винный погреб. Вина в нём, правда, особо нет, в основном закрутки под закуску.

М-м-м... что ещё?

Личная пасека в километре от СНТ.

Мотоцикл. Что характерно без коляски. «Харлам Давыдов» между прочим, а не говно ордынское. Снегоход для зимы, внедорожник для межсезонья, а для лета моя кабриолетовая ласточка цвета свежей ссадины.

Несколько сисястых соседок, не обременённых мыслями о замужестве, и старый друг в лесу.

К слову, о старом друге в лесу.

Мы с Лёхой Чего прошли вместе всю войну и вместе ушли на покой, и вместе переехали в Удалёнку. Вот только он, будучи одним из сильнейших друидов Российской Империи, не смог жить в четырёх стенах и отправился на природу.

Сказал, мол, не может без практики. Профдеформация, все дела. Да и соседи шугались его ручного мишку, если уж начистоту.

Кляузы председателю писали.

Вот и хожу я теперь к нему в землянку периодически. Выпить и заодно проверить, не сожрала ли его какая-нибудь гигантская мухоловка – результат его друидских экспериментов.

– Здарова!

– Ох, ёптвою! – подскочил Лёха Чего с бревна.

Своё прозвище он получил неспроста. Не такой уж и старый, сорок пять; мой ровесник, и вовсе не дряхлый, но на ухо Лёха был туговат.

– Как дела?

– Чего?

– Дела как?!

– А, – кивнул Лёха. – Нормально.

– Генералы заезжали.

– Чего?

– Генералы, говорю, заезжали! Привет тебе передавали!

– А, – и снова кивок. – И им того же.

– Выпьем по маленькой?

– Чего?

– Выпьем?!

– Ой не-не-не, – загадочно улыбнулся Лёха. – Мне уже на сегодня хорошо.

Употреблял спиртное Лёха исключительно за компанию. Так у него были свои средства – друидские. Можно сказать, вся сила природы. Травки, ягодки, грибочки. Зимой настойки, да притом такие, каких ни у кого больше не сыщешь.

А один раз я спалил, как Чего лизал жабу.

От предложения долизать я отказался, но от Лёхиного прихода остался под сильным впечатлением.

Помнится, нам ещё соплякам в Академии говорили: «Что друиду здорово, другим магам – смерть».

Короче говоря, Чего, как и я, жил в своё удовольствие, без оглядки на кого бы то ни было. Интересно только, что он делает со своей пенсией? И получает ли он её вообще? Может ведь статья так, что лесной отшельник у нас богачей с миллионами на счетах?

– Уэ-э-э! – вылез из землянки Миша и помахал мне когтистой лапой.

Отлично!

Вот кто со мной выпьет!

Слушая звуки ночного леса и сопение поддатого медведя, я посидел у Лёхи полчасика, а затем попрощался и двинулся обратно, до дому.

День прошёл легко и вольно. С пацанами в кои-то веки по-видался... ну... если, конечно, можно назвать «пацанами» – минобороны, Главу Канцелярии и ректора Академии Одарённых Российской Империи. А хотя..., а кто ж они есть-то, как не пацаны?

Господа, что ли?

Это они у себя там господа, в городе, а тут...

– Подите прочь! – внезапно услышал я со стороны своего участка.

Орал Кузьмич...

Гости.

На ночь глядя.

Вот только незваные и какие-то уж больно наглые; совсем без понятий о том, как должны вести себя нормальные, добропорядочные гости.

Первым, кого я увидел, был безразличного вида мужичок в майке, штанах с оттянутыми коленями и сланцах. Он стоял и курил, облокотившись на эвакуатор. Какого хрена эвакуатор делает прямо рядом с воротами на мой участок, вопрос, конечно, животрепещущий.

– Ой, не-не-не! – заорал мужичок, как только понял, что я направляюсь в его сторону... ну и ещё, возможно, уловил мой боевой настрой. – Я просто водила!

Ладно, допустим...

Отмазался...

Останавливаться и беседовать с ним о погоде я не стал, а потому сразу же прошёл на участок и увидел диво дивное. Трое каких-то хмырей ковыряли мой гараж! Один, самый хилый и похожий на кабинетную крысу, стоял чуть поодаль от остальных и держал подмышкой какую-то пухлую папоч-

ку.

Второй, сука, не прощу! пытался без ключа поднять гаражные рольставни. Ломал, то есть.

Ну а третий очень грубо удерживал Кузьмича. Камердинер брыкался, выворачивался и, что есть выдумки, ругался на смеси могучего русского мата с родными ему шайсами и швайнами.

– Какого хера? – спросил я первое, что пришло в голову.

– Василий Иванович! – тут Кузьмич понял, что помощь подоспела. – Ах-ха-ха! Убивайте их, Василий Иванович! Убивайте! Они посягнули на вашу частную собственность! Они задели вашу честь! Это требуется смывать кровью!

Догадываюсь, что у себя на родине мой камердинер получил... скажем так: классическое образование. Аристократическое. А потому частенько подначивал меня убить кого-нибудь за кривой взгляд или лихое слово.

Но я предпочитаю людям давать шанс. Вдруг они, скажем, воротами ошиблись? Их же не оживишь потом.

– Василий Иванович Скуфидонский? – тем временем обратилась ко мне кабинетная крыса.

Нет, похоже, не ошиблись.

– Ага, – подтвердил я и шмыгнул носом. – Кузьмича отпустите.

– Так-то! – заорал камердинер, вырвавшись из лап бугая. – Сейчас вас будут убивать!

– Василий Иванович, мы представляем службу имперских

приставов и прибыли с тем, чтобы арестовать ваше имущество. Сегодня мы вывезем мотоцикл марки «Харлам Давыдов» седьмого года выпуска и джип марки...

– Стоять! – рявкнул я. – С чего бы вдруг?

Поломать им рожи я всегда успею. Но сейчас мне было крайне интересно узнать, из каких-таких соображений приставы, если они, конечно, действительно приставы, решили обобратить бедного несчастного пенсионера, то бишь меня.

– Согласно постановлению правительства Российской Империи, порядок получения пенсии отставными военными был изменён. Впервые мы проинформировали вас об этом в начале мая, и с тех пор...

Тут крыса сверилась с каким-то данными из папочки.

– С тех пор направляли вам ещё пятнадцать уведомлений, каждое из которых вы проигнорировали.

– Первый раз об этом слышу, – нахмурился я. – Ничего не получал.

– Э-э-э... Вообще-то, – вклинился Кузьмич. – Вообще-то получали. Вся корреспонденцию я оставляю на столе в вашем рабочем кабинете.

– У меня есть рабочий кабинет?! – неподдельно удивился я.

– Э-э-э... да. И тот ножичек, который я подарил вам на день рождения и которым вы на рыбалке распарываете пескарям пузо, он на самом деле для вскрытия конвертов.

– Не суть важно! – крикнула крыса. – Время для полю-

бовного урегулирования истекло, и теперь мы пришли с тем, чтобы арестовать ваше имущество. Вот, – говнюк достал из папочки ещё одну бумагу. – Ознакомьтесь с постановлением.

– Ага, – кивнул я, закатывая рукава. – Сейчас ознакомлюсь...

Глава 2

За день до.

Отдел имперской службы судебных приставов СВАО г. Москвы.

На цокольном этаже, в кабинете с видом на ноги прохожих трое молодых авантюристов замышляли гадость.

Впрочем, один из них действительно здесь работал. Григорий – тот самый юноша, которого Василий Иванович Скуфидонский очень метко сравнил с крысой, вот уже год как имел свой собственный кабинет, корочку и доступ к общей базе задолженностей.

Попал он сюда совершенно обыкновенно – по благу. Его пристроил отец; крупный подмосковный барон по фамилии Малёваный. Пристроил с прицелом на то, что сын самостоятельно построит себе головокружительную карьеру, выбьется в люди и таки выйдет из отвратительного круга «золотой молодёжи».

К слову, за тем же самым отец отобрал у Малёваного-Младшего все банковские карты, привязанные к родовым счетам.

Случилось это, конечно же, неспроста, а после очередных неприятностей, которые Гриша по пьяной лавочке подкинул своему драгоценному родителю. Благо, ещё не убил никого, а так, по мелочи накосячил.

Никаких талантов, в том числе и магических, младший отпрыск барона не проявлял. Такое случалось в семьях с не слишком сильным даром. На некоторых детях природа отдыхала.

Так что, не имея перспектив в магических сферах, Гришу ждала скучная, но хлебная жизнь имперского чиновника, что в текущий момент его категорически не устраивало.

Двое других участников этого собрания – братья Бубновы, тоже входили в круг аристократии. Вот только в отличие от цветущей фамилии Малёваных, их род еле-еле сводил концы с концами, и дружба с Гришей до недавних пор была их пропуском в красивую жизнь с неоновыми огоньками, кальянным рэпом и Б-52.

Но карты заблокировались, и ловить с Малёваным стало нечего.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Крепко привыкший к тому, что братья Бубновы, на минутку, маги! смотрят ему в рот, Гриша взял, да и придумал, как поднять бабла.

– Не томи, Гриш, – попросил один из братьев.

– Давай уже к делу, – поддакнул второй.

– Сейчас-сейчас, – улыбался Малёваный, яростно клацая мышкой и поднимая свои закладки.

На днях от скуки копаясь в базе, он случайно нашёл данные некоего проблемного гражданина Скуфидонского. И судя по этим самым данным, старый козёл вот уже десять с ли-

хой лет получал такую пенсию, что Малёваному даже в качестве зарплаты не снилась.

Всё в белую и всё официально.

Помимо кучи жирнющих транспортных средств, за Скуфидонским числилась недвижка в Москве и области. Несколько квартир в хорошем ЖК, парковочные места там же и дом охрентельной квадратуры в СНТ «Пересвет».

А проблемным он был по той причине, что игнорировал постановления суда, в которых его извещали об изменении условий получения пенсии. Пятнадцать, между прочим, раз проигнорировал.

Что за условия, Малёваному было совершенно не интересно. Главное, что за их несоблюдение кормушка Скуфидонского должна была закрыться. А ещё в его личном деле красным курсивом была сделана пометка из зубодробительной аббревиатуры, которую Малёваный не знал, однако свято уверился в том, что это просто у администратора базы данных кошка по клавиатуре пробежала.

Итак...

Постановление есть.

Несоблюдение постановления есть.

Значит, быть изъятию!

– А мы-то здесь причём? – не уловил ход мыслей товарища старший Бубнов. – Изъятие ведь в пользу Империи происходит, разве не?

– Подделаем доки, – улыбнулся Малёваный. – Делов-то.

Помашем у старпёра перед лицом липовой корочкой, покажем липовое постановление, а потом заберём кабриолет с мотоциклом.

– А дальше?

– А дальше уже вы, ребят, – сказал Гриша. – Я добыл, а вы сбывайте.

Бубновы переглянулись.

– Ну-у-у-у, – протянул младший. – Технически, конечно, возможно. У нас дядька тачки болгаркой напололам распиливает и через границу как запчасти провозит. А потом уже там, в Орде, обратно сваривает.

– Вариант-вариант, – закивал башкой старший Бубнов, но тут вдруг осёкся. – Слушай... А если он тебя потом узнает?

– Ну узнает, и что? Кто ему поверит-то? Я ж барон, а не хрен с горы.

На «барона», каковым при наличии старших наследников Грише и в будущем стать не светило, Бубновы промолчали. Их интересовали технические детали.

– А если сопротивление окажет?

– Кто?! – Малёванный еле сдержался от хохота. – Этот старый придурок?!

– Ну ветеран всё-таки, мало ли.

– Ребят, ну вы же маги, – пристыдил своих подельников Гриша. – Справитесь как-нибудь...

– Без обид же?

– Да-да, без обид.

– Ты же просто водила, верно?

– Да-да, я просто водила, – неловко улыбнулся мужик в трениках, фиксируя ремнями три бесчувственных тела на площадке эвакуатора.

Я похлопал машину по пассажирской двери, крикнул: «В добрый путь!» – и эвакуатор покатил прочь по двухколейке, шебурша гравием.

– Итак, Кузьмич, – сказал я, провожая машину взглядом. – И где же находится мой рабочий кабинет?

– Так на втором этаже, Василий Иванович. Пойдёмте, я покажу...

Вот ведь чёрт!

И правда...

Всегда думал, что здесь кладовка или подсобное помещение с бойлерами, щитками и всяким таким. Ан-нет. Удобное кожаное кресло, письменный стол и золотая ручка на подставке, прям как у министров. И флаг имперский на половине стены. И портрет государя.

– Постановление, значит, – пробубнил я и плюхнулся в кресло. – Посмотрим...

Грубым образом вскрыв самый верхний конверт, нож Кузьмича лежал в коробке со снастями, и бегать за ним сейчас было недосуг, я достал бумагу и принялся читать.

Итак:

«Согласно постановлению бла-бла-бла, от такого-то числа

такого-то года, для того, чтобы сохранить за собой императорскую пенсию, а также все причитающиеся материальные блага, Василию Ивановичу Скуфидонскому такого-то года рождения надлежит встать на учёт бла-бла-бла и принять на практику группу студентов...»

– Чего?! – крикнул я так, что Кузьмич аж поморщился.

«Программа разработана университетом АОРИ совместно с министерством обороны Российской Империи и внедрена в законодательство с целью обмена опытом ветеранов Великой Войны с молодыми специалистами в области магических искусств».

Вот ведь...

Вот ведь твою-то мать!

Это же Стёпкин институт! И Володькино министерство! А они ведь буквально пару часов назад здесь были! Хлестали моё пиво, жрали мою воблу, а об этом ни словом не обмолвились! Вот ведь крысюки подколодные!

– Ласточка заправлена? – спросил я у Кузьмича.

– Да, Василий Иванович.

– Бак полный?

– Да, Василий Иванович.

– Отлично. Поеду прокачусь до Москвы, побеседую со старыми друзьями. А то тут не договорили...

Если уж начистоту, то Степан Викторович Державин, ректор АОРИ, сегодня мог и не уезжать из Удалёнки. Это мини-

стру с Главой Канцелярии завтра нужно было быть ни свет, ни заря на совещании правительства, а вот Державин был совершенно свободен.

Во всяком случае дома он сказал, что пробудет у Скуфа до завтрашнего утра.

И жена, вроде бы, поверила.

Да-да-да...

Бес бил Державина по рёбрам что есть мочи. Тайком от благоверной он уже давно разыгрывал среди абитуриентов бюджетные места, и сейчас как раз настал сезон охоты на свежую девчатину.

Рыжая, высокая, кровь с молоком, буквально пышущая здоровьем и молодостью девушка Дарья сидела напротив Степана Викторовича, потягивала шампанское и ждала. И явно что скучала. Дело в том, что она договорилась с ректором на один... э-э-э... один устный экзамен и два классических и искренне надеялась, что на том они и разойдутся.

На весь этот романтический антураж: свечи, фрукты и игристое – уговора не было, но-о-о...

Ладно уж.

Она и так зашла слишком далеко. Если ректор хочет поиграть в свидание, пускай поиграет, потешится.

Дело было в личном кабинете Степана Викторовича, на третьем этаже АОРИ. Массивные настенные часы с маятником пробили ровно десять часов вечера.

– Включу что-нибудь на фон, – улыбнулся Державин,

встал с дивана и направился к своему рабочему столу. – Какую музыку предпочитаешь?

– Ты всё равно такую не знаешь, – еле слышно пробубнила себе под нос Даша и, пока ректор отвернулся, одним рывком стащила с себя платье. Под платьем загодя не было ничего. «Быстрее начнём, – подумала она, – быстрее закончим».

Вот только...

– Степан Викторович! – раздался хриплый голос из динамика на столе. – Степан Викторович! К вам посетитель!

Державин хотел было проигнорировать охранника, а то и вовсе выключить говорилку, мало ли какой псих может ломиться к нему в такое время, но тут вдруг услышал голос этого самого психа:

– Стёпа! – проревел голос. – Лучше сам пусти!

– Скуф? – нажал он на кнопочку ответа. – Это ты?

– Это я!

– Что-то случилось?

– Что-то случилось!

– А-а-а... А что случилось? – спросил Державин.

– А что случилось, так это ты мне сейчас расскажешь! – ответил Скуфидонский, а затем добавил ещё: – Говна ты кусок! Что ещё за программа по обмену опытом?!

– Что-о-о?!

Степан Викторович аж побледнел. Побледнел, а затем судорожно схватился за мышку, разблокировал компьютер и принялся искать заветный файл.

– Погоди секунду!

– Стёпа, ёптвою мать! Я с тобой в игрушки что ли играюсь?!

– Секундочку!

Двойной клик по нужной папке, двойной клик по текстовому документу, строка «поиск», буквы «С» и «К», окей, искать.

– Какой ужас, – внутри у Державина аж всё оборвалось.

Имя Скуфидонского действительно присутствовало в списке, хотя они с Владимиром Санычем перепроверили всё десять раз.

Более того, они сами составляли этот список, но даже в безудержном припадке озорства не рискнули бы добавить в него Скуфа.

Мистика, не иначе.

– Стёпа! – прохрипел динамик. – Я поднимаюсь!

– Одевайся! – крикнул Державин на Дашу, заметив, что та ни к месту заголила прелести. – Нужно бежать!

– Куда?

– Да хоть куда!

Вот знает же Стёпка, что я ненавижу лишний раз напрягаться, и всё равно заставил меня зазря подниматься на третий этаж. Как я и ожидал, из своего кабинета он оперативно свалил.

Куда?

Это мне и предстояло выяснить. А потому я снял дедушку-охранника с люстры и попросил провести меня в комнату службы безопасности.

– У вас же там камеры есть?

– Есть, – закивал головой дедулька. – Обязательно есть, куда ж без них.

И примерно в это же время началась цветомузыка. Зажглись аварийные лампы красного света, загудела сирена, и приятный женский голос сообщил о том, что крыло хирургического отделения института будет законсервировано через пять, четыре, три, две...

– О-хо-хо, – вздохнул я. – Ну веди уже.

Благо, что хоть здесь долго ходить не пришлось. Пошарив глазами по мониторам, я-таки нашёл своего доброго друга Степана. Вместе с какой-то рыжей девчонкой он забаррикадировался в операционной.

Слышал я про эту их защиту инновационную; последний раз вот буквально сегодня в парилке и слышал.

Стёпка по её поводу сильно радовался и хвастал, что не прошибить её никак.

Невозможно это якобы.

Вообще.

Они ведь тут у себя монстров содержат и препарируют, и изучают. И если вдруг какая тварюка решит драпануть, то всё крыло моментально отрезается от внешнего мира. Бронированные двери, бронированные стены, магические щи-

ты, охранные артефакты и даже автономная система вентиляции на всякий случай... мало ли монстряга заразная какая. Ну или попросту вонючая.

– Ну что ты как маленький? – не без помощи дедушки-охранника я сумел вывести свой голос в комнату к Стёпке. – Ты нахрена туда залез?

– Скуф! Это совсем не то, что ты думаешь!

– А что же тогда?

– Почему ты просто не позвонил?!

– Потому и не позвонил! – предельно честно ответил я. – Чтоб ты не свалил раньше времени! Это если бы я тебя предупредил о визите заранее, то где бы мне потом тебя искать?!

– Повторяю: всё не так, как кажется!

Заладил одно и то же...

– Стёп, не вводи в искушение, прошу тебя! Я ведь уже давно хочу силушкой с этой вашей охранной системой померяться, да только повода не было! Давай лучше сам выходи!

– Скуф, это ошибка!

– Какая ж тут ошибка?! Ко мне какие-то молокососы на участок завалились! Газон потоптали, мотоцикл хотели забрать! Кузьмича мне, опять-таки, на ночь глядя раззадорили! Он ведь теперь спать не будет! У него и без того тревожность повышена!

– Скуф, это ошибка! Мы вместе с Володей.... Кххх-пхххх, – и тут начались помехи.

– Чего?!

– Мы с Володей... кхх-пххх... несколько раз!

– Батюшки, – вырвалось у меня.

– Перепроверяли... кххх-пххх... твоего имени... кххх-пххх... не должно было быть в списках!

– Стёп! Не слышно ни хрена! Ты никуда не уходи, ладно?!
Я к тебе сейчас сам спущусь!

– Не на... кхх-хпххх... жалууйста, Скуф, не надо!

– Жди!

Отвернувшись, я понял, что дедок-охранник воспользовался случаем и куда-то свалил. Наверняка, ведь сейчас будет ментам названивать. Вот и делай людям добро! Я его, главное, с люстры снял, а он мне нож в спину.

Ладно...

С неприятностями будем разбираться по мере их поступления.

Ну а сейчас – вперёд и вниз! Погляжу хоть, на что бюджет оборонки уходит, глядишь, и подскажу что путное... Державка потом спасибо скажет.

Наверное.

– Э-э-э-эть!

– Бах! – ещё чуть-чуть и вмятина в бронированной стене должна была прорваться.

– Э-э-э-эть!

– Бах!

Вот чем хренов мой дар, так это тем, что мне оружие про-

тивопоказано. Молоты гнутся, топоры мнутся, булавы вообще напололам разваливаются. Про мечи и прочие ковырялки и говорить нечего.

Короче говоря, приходится работать голыми руками.

Либо чистой энергией, но это уже по площадям тогда. А тут пространства узкие, не разгуляешься особо.

– Э-э-э-эть!

– Бах!

Ну наконец-то!

Магические щиты слетели первыми, видать, не выдержали нагрузки. Артефакты тоже довольно быстро разрядились в труху, и остался я один на один с полуметром козырных сплавов. А полметра – это что? Это даже не крыжовенный куст.

– Э-э-э-эы-ы-ы-ыхх, – я ухватился за края прорехи и начал раздвигать.

Ещё чуть-чуть, и я бы наконец-то встретился со Стёпкой лицом к лицу, но в этот же самый момент сверху и с улицы донеслось верещание сирен. Впрочем, было оно недолгим, потому как почти сразу же подключился матюгальник:

– Выходить с поднятыми руками! – заистерил голос. – В случае сопротивления бьём на.... ааа...

– Скуф?! – голос сверху резко поменялся.

– Володя?! – крикнул я в ответ, как-то сразу не подумавши, что он меня из этих катакомб не услышит.

– Скуф, пожалуйста, не делай глупостей! – продолжил ми-

нобороны. – Прощу тебя, выходи, давай поговорим!

Вот ведь чудак-человек. А я на кой-ляд всё это затеял?! Чтобы с охранной системой повоевать?! Ну... ну да, и это тоже. Но ведь изначально именно поговорить и хотел!

– Вз-з-з, – тут рядышком открылись двери в операционный блок.

Не то чтобы я не замечал их раньше. Просто решил, что это фора. Там же стыки и крепления, да и тонко небось... Неспортивно, другими словами...

Из дверного проёма высунулся Стёпка, неловко улыбнулся и сказал, что сейчас мне всё объяснит, только для этого ему нужно воссоединиться с Володей. Мол, так и так, у министра информации побольше, а его ректорская хата с краю.

– Ну, пойдём, – пожал я плечами.

И мы пошли.

Стоило нам со Стёпкой появиться на крыльце института, как к нему тут же ломанулась бригада скорой помощи, а на меня уставилась дюжина... да хотя какая там дюжина? Стволов пятьдесят, да все поди заряженные.

– Не стрелять! – заорал в матюгальник Володя. – Не стрелять! Кто курок тронет, будет медведей за полярным кругом пасти!

Ну ладно, вот это сейчас приятно было. Вон, как человек обо мне заботится.

– Скуф! Давай поговорим!

– Да давай уже, давай! – крикнул я.

Затем взял Стёпку под мышку, пока его эти коновалы до смерти не залечили, и спустился по ступенькам вниз.

– Всё не так, как кажется, – начал Володя, как только мы оказались наедине в его машине. – Да, действительно, есть такая программа. И да, действительно, мы со Стёпой лично её разрабатывали, но с какого чёрта твоё имя фигурирует в списках, совершенно непонятно.

– Ошибка какая-то! – поддакнул Стёпа. – А я ведь так сразу и сказал!

– Не кипятись, Скуф.

– Айтишники попутали, – решил начать стрелометание Степан Викторович. – По-любому это они! Напутали там что-то, натыкали, а мне потом бумажку на подпись дали, вот я и подмахнул, не глядя.

– Ну ты сам подумай, Скуф, – министр попытался очаровать меня своей улыбкой. – Ну нам на кой-чёрт с тобой отношения портить? Ты же сам знаешь, что мы к тебе со всей душой.

– Да-да!

– Завтра по утру первым же делом к Его Величеству пойдём, будем ходатайствовать, чтобы ошибку эту досадную в документах переиграли.

– Я тоже пойду! – заявил Стёпа.

– Лично батюшке-императору в ноги кинемся!

Что ж...

– Обещаете? – спросил я.

– Обещаем!

– Не врётё?

– Не врём, Скуф! Не врём!

– Хм-м-м...

Ну... Что сказать? Всё-таки Стёпа с Володей – это Стёпа с Володей. Они свои. А если своим не верить, то на кой-они нужны тогда вообще, эти свои?

– Ладно, – сказал я. – Хер с вами. Всё равно в город соби-рался, сестре закрутки завезти.

– Привет передавай!

– Ага, – кивнул я. – Ребят... вы это... Ничего, что я вам там стену помял? Без обид?

– Ничего-ничего, Скуф, – уверил меня министр оборо-ны. – Раз помял, значит, плохо сработано было. Поставим новую, покрепче, проведём как краш-тест, освоим сред-ства...

– Если испытать надо будет, вы зовите.

– Обязательно позовём, Скуф. Обязательно...

Признаться, к утру я уже и думать обо всём этом позабыл.

Пацаны пообещали, а значит, сделают. И значит, не нужно мне об этом думать; у меня и без того забот хватает.

У меня мёд не собран, и плотва косяками ходит, страдает без отлова. И первые августовские дожди позавчера прошли, а я у Лёхи насчёт лисичек спросить забыл. Лисичек ведь что? Личисек много не бывает! Что с жарёхой не съедим, то засо-лим. Кузьмич уже к закруткам приступить готов, банками и

крышками на тех выходных затарился по самое небалуй.

Давно уже заприметил, что есть в нём что-то такое... от бабки. От злощей такой, агрессивной, австрийской бабки.

И кстати, ещё о делах.

У меня ведь ещё Лёхин участок!

Который год всё планирую его разгрести. От зарослей расчистить и посмотреть, в каком там состоянии дом сохранился. Под что-нибудь, да использую. Мне вот, например, бильярд у себя воткнуть катастрофически некуда.

А бильярд хочется.

Так что вот...

Все эти досадные недоразумения и ошибки айтишников сразу же остались где-то в прошлом, стоило мне переступить через ворота участка.

Проснулся я в прекрасном расположении духа. Сполоснул рожу, улыбнулся себе в зеркало, позавтракал деревенскими яичками с жареной докторской и было дело уже начал собираться в поход на пасеку, как вдруг вчерашние события снова дали о себе знать.

Глава 3

– Василий Иванович, к вам там гости, – ворвался в дом Кузьмич.

– Опять, что ли?

– Нет-нет, – поспешил успокоить меня Кузьмич. – Другие. Говорят, из службы безопасности Императора.

Не соврали, значит, пацаны. Добрались-таки до монарха. Правда, результат получился неожиданным.

– Ядрёна мать! – улыбнулся я.

И тепло так на душе сразу стало. Ну неужели Величество наконец-то сподобился выбраться?! Зовёшь его, зовёшь, хрен дозовёшься. Занятой больно, всё государственным делами управляет. А тут вдруг сам заявился да без предупреждения.

Ну вот и хорошо!

– Василий Иванович? – вслед за Кузьмичом в дом заглянул мужик в строгом костюме и с проводком, торчащим из уха.

Вроде как связь у них теперь на ментальном уровне осуществляется, безо всяких технических средств. Но императорская охрана всё равно проводки таскает. Дублирует для надёжности.

А мужика я этого хорошо помню.

Лет, не соврать, пять при Высочестве служит. Я его про

себя Пингвином называю, а имя всё никак запомнить не могу. Что-то замороженное, на иностранный манер... то ли Рафаэль, то ли Габриэль. Что-то с элем связанное, короче говоря.

– В доме есть кто-то ещё? – спросил Пингвин. – Родственники, гости, прислуга?

Стандартная проверка. Так они, разумеется, все помещения лично обшарить должны. Но мне на слово верят, так уж у нас с императорскими безопасниками издавна повелось.

– Нету никого, – ответил я. – Только мы с Кузьмичом.

– Отлично, – тепло улыбнулся СБшник и пропал.

Пошёл обратно за Величеством. Сейчас участок по периметру оцепят, систему ПВО настроят, площадку посадочную под императорский винтокрыл выкосят и доставят в лучшем виде.

– Накрыть на стол? – спросил мой камердинер.

– Ну, Кузьмич, – пожурил его. – Ну утро же.

– Я имел в виду чай.

– Ах, чай... Чай можно.

– Василий Ива-а-а-аныч! – появилась в дверях наглая монаршая рожа.

– Пётр Николаа-а-а-аич!

Ну а дальше свершилось ритуальное приветствие. Мы крепко обнялись, я ущипнул Величество за пузо и сказал, что он поднабрал, а Величество в отместку подивился моей седине. К слову, благородной, серебристой и не такой уж

частой.

– Садись, Величество, – пригласил я к столу. – Кузьмич сейчас чай подаст.

– Не-не-не, спасибо, – отказался Император и тяжело вздохнул. – Мне чай нельзя. Ты знал вообще, что там кофеина больше, чем в кофе? А нервная система, знаешь, и без того расшатана.

Тут я чуть повнимательней рассмотрел Величество.

Хм-м-м...

Что-то он и впрямь начал сдавать, а ведь всего-то на пару лет старше меня. Хотя... это не возрастное. Это именно что нервишки шалят. Взгляд тусклый, под глазами мешки, сам весь бледный. И рожа как будто бы... заострилась, что ли?

Плохо выглядел самодержец Российский, очень плохо.

Ему бы в Удалёнку на пару месяцев, да чтобы без телефона и почты. А лучше с Лёхой переговорить, у того нужные настоячки найдутся, враз монарх взбодрится.

– Василий Иванович, я к тебе по делу, – и вновь тяжкий вздох.

– Так, – кивнул я.

Панибратство панибратством, а когда государь о делах говорит, надо слушать.

– Про вчерашнее с тобой поговорить хочу.

И в пору бы мне оправдаться, мол, охранную систему на прочность проверял, но... повторяюсь, сейчас слушать надо. Из-за одной системы, даже самой передовой и дорогушей,

сам Российский самодержец ко мне бы не стал прилетать.

– Та ошибка в документах, про которую тебе сказали Державин и Владим-Саныч, это не ошибка. Но погоди! – вскинул Величество брови. – Погоди! На них не грехи, они ни в чём не виноваты. Это моей рукой твоё имя было в программу вписано.

– Угу.

– Надо было, конечно, тебя лично в известность поставить. Ну так, кто ж знал, что эти остолопы всё, не глядя, подписывают, – хмыкнул Император. – Говорят, недоразумение у тебя по этому поводу случилось, – продолжил он, – так не сомневаюсь, что ты с ним разобрался.

– Угу.

Сказать что-то в ответ мне пока что было категорически нечего. Переварить всё это надо.

– Слушай, Скуф, – тут Величество назвал мой позывной, что, как мне кажется, в данном конкретном случае для меня ничем хорошим закончиться не могло. – Время сейчас мирное. Войны нет, да и ты не на службе. Приказывать я тебе в этом деле не могу и, если уж честно, не хочу. Род Скуфидонских...

Эх, любит он всё-таки долгие вступления.

– ...род Скуфидонских во все времена самодержцам Российским служил и институт государственности поддерживал. Причём по совести служил, не по указке. Да и ты, Василий Иванович, как никто другой отличился. По сути, ты же

в Великой Войне мне Империю сохранил...

– Было дело, – скромно улыбнулся я.

– Ну вот видишь.

– Что вижу? – осторожно уточнил я, уже понимая, к чему всё клонится.

– Всё видишь. Прошу я тебя, Скуф, как родного. Покажи пример остальным и выполни мою волю.

– Это мне, то есть, нужно со студентами повозиться?

– Со студентами повозиться, – кивнул Величество. – Воспитанием молодёжи заняться, будущего империи. К тебе ведь не абы кого пошлют... Лучших из лучших. У кого ж им ещё опыт перенимать, как не у тебя? Нас-то самих вспомни?

Вспомнил я и заулыбался даже.

Ещё со службы в потешном полку под Переславлем, что в младшем школьном возрасте Высочество очень любил строить замки из сена и перед штурмом коровьими лепёхами ребрасываться.

Сразу мысль пришла и сегодня соорудить чего-нибудь этакое. Всплакнём заодно, да понастальгируем по голожопым детским временам. Опять же самодержцу от забот государственных какая-никакая отдушина.

Вот только говном кидаться не будем.

Не по статусу оно теперь.

Величество мою улыбку увидел и продолжил настойчивее.

– Очень мне нужна группа толковых магов, и чтобы имен-

но тобой была воспитана. Прямо вот очень нужна. Аж зубы сводит как, – слабо улыбнулся Величество. – Уважь меня.

И тут добил окончательно:

– Пожалуйста.

Думается мне, мало кто из ныне живущих слышал: «Пожалуйста», – из уст Петра Пятого. Не тот это человек, чтобы такими словами разбрасываться; ему и гордость не позволит, и заслуги. Да и хороший он мужик всё-таки, если разобраться, душевный.

И правитель толковый.

Так что есть у меня к нему уважение.

Не зря он всё-таки державой управляет, совсем не зря.

Да и общее прошлое, опять-таки. Те же замки из сена. Тот же навоз градом. Те же лодочки с парусами на Плещеевом и походные костры, и песни гусар, и девки сисястые хихикающие. Так что соглашаться или не соглашаться вопрос у меня уже не стоял.

Тут я для приличия чуть поломался, изобразил бурную мозговую деятельность, а после протянул Величеству руку.

– Договорились, Пётр Николаевич. Чем смогу – помогу.

Привози мне своих студентиков. А что делать-то надо?

– Да ничего особенного. В плане военной подготовки чистая формальность. Погоняй их тут хорошенько да про свою героическую историю расскажи.

– Погонять, говоришь?

– Погоняй-погоняй, – кивнул Император. – И давай-ка не

стесняйся. Если надо, они тебе и крышу поправят и с сорняками разберутся. Кузьмич-то у тебя не железный, ему поди тоже отдых нужен.

– Ваше Величество, – манерно кивнул австрияка.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Когда ждать-то их?

– Скоро, Скуф, – Величество зачем-то посмотрел на часы и как-то вдруг очень сильно приуныл. – Уже совсем скоро...

Мой поход на пасеку отменился...

Да шучу я! Хера с два я своих пчёлоч брошу и так не появлялся больше недели. Пчеловодство вообще сейчас под большой угрозой. Говорят, что ордынские шершни скоро и до Подмосковья доберутся. И что тогда делать, не знаю.

Ведь шершень – он же не человек. Ему лицо не сломаешь.

Ладно... не будем о грустном.

На пасеку я сходил, но в остальном планы на день пришлось переиграть. Автобус с одарёнными курсантами в количестве шести штук должен был приехать ближе к вечеру, а потому время поджимало.

Мы с Кузьмичом рассудили так:

Курсант должен страдать. Это закаляет характер, положительно сказывается на успеваемости и очень забавно смотрится со стороны. А потому особых удобств, которые обернулись бы неудобствами для нас, уважаемые студенты не получают.

Поначалу...

Поначалу пускай поживут где попало. Три койки мы оборудовали прямо в парилке, две в гараже, а один студентик, самый отчаянный, временно будет расквартирован на заднем дворе. Гамак есть, бочка с дождевой водой есть, продуктами, так и быть, обеспечу. А большего и не надо.

Так вот. Повторюсь, что это только поначалу.

Ну а потом студентики своим собственным трудом продолбят себе путь к лучшей жизни. Сперва оборудуют казарму в заброшенном коровнике, с председателем я уже договорился, ну а потом, если сдюжат, так вообще в лухари условия заедут.

Для этого им нужно будет расчистить Лёхин участок и подлатать дом. Звучит просто, но не всё так просто, что звучит просто. И особенно не всё так просто, как кажется, если оно вдруг кажется простым. Ведь борьба с сорняками на заброшенном участке друида – это не из области ландшафтного дизайна. Это война! Это борьба не на жизнь, а на смерть; суровая и отчаянная.

Сорнякам ведь отступать некуда, они на своей земле. И тут вообще не факт, кто кого первым выполет.

С Лёхой я уже на этот счёт переговорил, и он совсем не против.

– А ещё бильярд поставим.

– Чего?

– Бильярд, поставим, говорю!

– А, – кивнул друид. – Это дело хорошее.

Ближе к вечеру мы с Кузьмичом озаботились ужином. Молодняк ведь вечно голодный, а особенно служивый молодняк. Вот только:

– Куда попёр?! – в самый последний момент я успел поймать Кузьмича за руку.

Этот придурок по привычке решил нажарить мяса. Замаминовал целый тазик шашлыка и уже потащил его в сторону мангала.

– А что не так, Василий Иванович?

– Жирно им будет.

– Но ведь Элеонора пропадает!

Элеонора – это свинья деда Макара. Он мне её буквально пару дней назад подогнал, прямо перед приездом министров. Само собой, уже в разобранном состоянии. И само собой, за деньги.

Некогда дед держал в Удалёнке целый свинарник, но вот теперь решил перепрофилироваться. Всё-таки до Москвы два шага, и возможности открываются чуть шире, чем тупо торговать салом. Вот и Макар, шагая в ногу с трендами, отошёл от свиней и занялся декоративными козлами.

Ох и чудные скотинки. Маленькие, бородатенькие и характером говнистые. Прямо как Кузьмич, только с рожками.

Так вот:

– Элеонора пропадает!

– Не пропадёт, – возразил я. – Успеется, – и объяснил до кучи: – Я ведь, Кузьмич, не от жадности, а сугубо в воспита-

тельных целях. Пускай не думают, что на курорт приехали.

– Как скажете, Василий Иванович, – кивнул австрияка. – А что ж тогда готовить?

– Сейчас придумаем, – сказал я. – Давай-ка для начала в погреб слазим. Посмотрим, что у нас из стратегического запаса имеется.

Перловка!

Целый мешок на двенадцать килограмм.

Признаться, давненько я её не жрал. Кузьмич хоть и очень старается познакомиться с русской кухней, но не всё у него получается. Рассольник в его исполнении был похож на помой с томатным соком, и больше мы к нему не возвращались.

Ну а теперь, получается, настал её звёздный час.

– Тащи казан, – приказал я. – И две банки тушёнки. Нет... три! Сегодня можно.

– Будет сделано, Василий Иванович.

– А Элеонора пускай промаринуется до завтра.

– Как скажете, Василий Иванович.

Солнце потихоньку покатилося к закату.

Я расположился на крыльце в кресле-качалке и раскурил одну из сигар. Сигары были толстые, размером с палку сырокопчёной колбасы. Это мне министры вчера привезли. Костя Васильевич, глава Тайной, недавно в командировку на Кубу летал, вот и припёр с собой гостинцев.

– Хорошо, – сказал я вслух, а про себя подумал, что моему спокойному размеренному быту на какое-то время пришёл

конец.

Величество не сказал, как долго мне предстоит управлять-ся со студентами, но если рассудить логически, то до выпускных экзаменов. А сдачу выпускных экзаменов в Академии Одарённых вполне себе можно форсировать.

Поднатаскаю ребят на подвиги, закроем ТРЕЩИНУ, да и дело с концом. Насколько мне известно, это и есть конечная точка обучения любого мага.

– Как настроение, Василий Иванович? – вылез из дома Кузьмич.

– Да ничего, – буркнул я. – Сигару хочешь?

– Если позволите, Василий Иванович.

– Да позволю, чего уж там, – сказал я. – Ты, главное, не в затыг. Ты ж малоохольный, откачивать тебя потом.

– Хорошо, Василий Иванович.

Кузьмич раскурился, и следующий час, а, может быть, и дольше, мы провели в благословенном спокойствии.

Где-то вдалеке, так что почти не слышно, неслись по трассе большегрузы. Через два дома вверх по улице тихонечко играло радио, а со стороны Лёхиной делянки стучал дятел. Комары почти не докучали, их этим летом вообще мало уродилось.

Можно было бы от них и вовсе куполом силовым магическим закрыться, но тогда и прохлады не будет, а без неё уже не то совсем. Так что и хрен с ними, не загрызут.

С соседского участка нестерпимо сильно пахло скошен-

ной травой.

В крыжовенных кустах прошуршал ёжик.

По всей Удалёнке зажглись фонарики, да ещё и прохлада эта вечерняя, которая буквально шепчет на ухо: «Займи, но выпей».

И никаких неотложных дел. Никакого городского нервяка и суеты, и злости, и шелухи, и бумаг этих сраных... да, особенно меня радовало отсутствие бумаг, до отказа наполненных пустыми бюрократическими значениями.

Мой мир был прост и прекрасен.

– Да-а-а-а, – периодически вслух говорил я, и, судя по довольной улыбке Кузьмича, он, кажется, понимал о чём речь.

– Василий Иванович, – ухо австрияка первым уловило та-рахтение мотора. – Кажется, едут.

И впрямь, слышится.

Уже через минуту из-за угла показались жёлтые фары микроавтобуса.

Мы с Кузьмичом спустились с крыльца и пошли встречать дорогих гостей. Не хлебом-солью, конечно, но всё равно. Начинать знакомство нужно с мажорной ноты; ну а особенно с теми, кто собирается ко мне на постой на неопределённый срок.

Да и к тому же...

Раз уж за эту группу вписался сам Его Величество, то мало ли кто из этих ребят вырастет. Будут потом в верховных кабинетах друг другу пересказывать, как их старик Скуф

уму-разуму учил.

Можно сказать, путёвку в жизнь дал.

Эх... Историю творю, ядрёна мать!

– Сюда! – крикнул я, раздвигая ворота, и махнул водиле. – Сюда! Заворачивай!

Чёрный автобус с госномерами зарулил ко мне на участок, остановился и заглушил мотор. Кузьмич ломанулся закрывать ворота, ну а я двинулся встречать.

– Добро пожаловать, мужики! – крикнул я и улыбнулся что есть мочи.

И сердце в груди забилося от внезапного восторга. Казалось, что я стал свидетелем начала чего-то такого хорошего, большого и интересного.

Как буду я курсантикам у костра рассказывать о своих подвигах, как в ночь к затону на сома сходим, как они мне крышу перекроют, наконец...

А потом...

Потом дверь открылась, и я увидел студентов.

– Ёпт, – вырвалось само собой.

Добро пожаловать, мужики, да? Так я, кажется, говорил? Так вот... ещё никогда в жизни я так сильно не ошибался.

Одна за другой, из автобуса начали вылезать девчонки. Тощие, хрупкие, совсем-совсем молодые. Не подростки, конечно, но и до женщин им ещё, как до Сарай-Бату раком. Чемоданы свои еле пёрли.

– А-а-а, – протянул я, заглядывая в автобус; мало ли это

группа сопровождения, а настоящие маги потерялись где-то внутри.

– Василий Иванович, – улыбнулась мне одна из девок, – это Вы?

Рыжая такая, смешная. И вся в веснушках, будто перед ней на стол пирог с повидлом положили, а после по этому самому пирогу кирпичом бабах!

– Василий Иванович, – подтвердил я, всё ещё не до конца веря в происходящее. – Это я.

– Очень приятно, – рыжая протянула мне руку. – Группа «Альта» для прохождения обязательной летней практики прибыла в ваше распоряжение...

Глава 4

– Так уж и быть, я переночую в гамаке, – сказала Стекловата.

Коротковолосая подтянутая блондиночка в армейских штанах и массивных ботинках, что в народе зовут говнодавами, она озорно осмотрела своих товарок. Уж кого-кого, а вот конкретно её вся ситуация явно веселила.

– Не благодарите, неженки! Вот только вещи у вас оставлю...

С этими словами Стекловата, а если без позывных, то Стеклова Татьяна Витальевна, с размаху закинула в парилку спортивную сумку. По сравнению с остальными, конкретно она в Удалёнку приехала налегке.

Её внешность и повадки объяснялись просто. Барон Стеклов, имперский ловчий в отставке, очень хотел мальчика. В детстве Таня играла не в кукол, а в различный «холодняк» и лёгкое стрелковое оружие, а в юности больше разбиралась в артефактной броне, чем в платьях.

– Располагайтесь, девочки! – хохотнула Таня, уперев руки в боки.

– Располагайтесь, – повторила за ней Фонвизина. – Где располагайтесь-то? – зашла внутрь, брезгливо осмотрела расстеленные на скамейках матрасы и вышла обратно. – Фу.

– Глушь, – поддакнула ей Дольче и воздела телефон к

небесам. – Интересно, здесь хотя бы интернет ловит?

Первая – та самая девчущка, которая вроде как решила взять на себя роль лидера и первой поприветствовала Василия Ивановича. Действительно очень рыжая. Действительно очень конопатая. И очень-очень ухоженная, что сразу же выдавало в девушке аристократку.

– Фу.

Вторая же – негласный секс-символ группы «Альта». Возможно, всей Академии и окрестностей.

Черноглазая и черноволосая кармен с узкой талией, широкими бёдрами и грудью, ради которой правителям древности не запахло было бы и войну развязать. Дольче прекрасно знала себе цену и свои прелести всячески подчёркивала.

Даже сейчас её форменная рубашка была завязана узлом и пушапила без того аппетитные груди, а штаны были спущены по самое ай-ай-ай, так, что видно ярко-розовые трусишки. Опять-таки, макияж.

Да непростой, а с наклепленными стразами. Дольче никак не производила впечатление человека, который приехал на постой в Подмосковное СНТ.

– А мне нравится, – подала голос Ромашка, сдувая непослушную каштановую прядку с глаз.

Самая младшая и, к слову, самая высокая девушка из группы «Альта» уже успела поймать на ладошку первого вечернего светлячка и изо всех сил ему умилилась.

– Смотрите какой, – улыбнулась она и пощекотала свет-

ляка пальчиком с ярко-салатовым маникюром.

– Хоть убейте, не понимаю, в чём высокий замысел службы в этой деревне, – вздохнула Фонвизина.

– Скуф, – тут же объяснила ей Стекловата.

– Ну и что?

– Ну и всё.

– Дядька, как дядька, – пожала плечами Дольче. – Здоровый, правда, как бычара. Впервые вижу человека выше Ромашки... Видали, девки, какая у него мышца? По мне в академии, считай, вся футбольная команда сохла, так они по сравнению с ним задохлики.

– Хороо-о-о-оший, – протянула Ромашка и проследила за улетающим в небо светлячком.

– Да, Юль, тебе тут точно понравится, – прокомментировала Фонвизина. – Там в бане целая куча пауков.

– Правда?

– Правда, – опять вздохнула рыжая. – Фу, блин. Фу, фу, фу! Нет, девчонки, я так не смогу. Надо посмотреть, есть ли поблизости отели.

– Пятизвёздочные, ага, – хохотнула Таня. – Привыкайте к условиям, Ваше Сиятельство!

– Да не переживайте вы, – махнула рукой Дольче. – Завтра всё разрулим и переедем в дом. Скуфидонский ведь кто? Мужик. А с мужиками я договариваться умею.

– Кать, – обратилась Фонвизина к подруге по имени. – Ты серьёзно?

– Нет! – Дольче сделала жест, мол, тормозите. – Спать я с ним не собираюсь! Это моветон! Но вы сами подумайте, девчат. Одинокий мужик за сорок, живёт чёрт знает где, ни с кем не видится, нигде не бывает. С таким чуть пококетничать, похихикать над его анекдотами да труссы случайно засветить, он сразу же и растает.

– Ну... попробуй, что ли.

– И попробую, – кивнула Дольче. – Завтра же выбью нам нормальные условия проживания, вот увидите. А там, глядишь, и зачёт экстерном. Потусуемся на свежем воздухе, позагораем и домой.

– Ладно, девки, – хлопнула в ладоши Стекловата. – Обживайтесь, а я пойду, проведу, как там наши в гараже.

А в гараже тем временем:

– У-у-у-ух! – пока подруга переодевалась в пижаму и чистила зубы, Шаму за уши было не оттащить от кабриолета. – Знала бы я раньше, что в деревенских гаражах могут такие экземпляры водиться, то я бы только по деревням и гастролировала бы!

– Ша-а-а-ам...

– А мотоцикл?! Ну ты погляди!

Шаманка вскочила на сиденье.

Загорелая, с короткими розовыми волосами, выбритым виском и наглухо забитыми рукавами, девушка выглядела настоящей байкершей. Да ещё и сочная задница верхом на мотоцикле сейчас была соблазнительней обычного; ну пря-

мо два фундучка, обтянутые чёрной кожей.

– Ша-а-ам, – протянула сквозь зубную щётку Смерть и с укоризной посмотрела на подругу.

– А чего я не так говорю? Выхлопотать такой мотоцикл, и всё, можно несколько лет не работать.

Смерть прополоскала рот, сплюнула в стаканчик и сказала:

– Тебе и так работать не надо.

– Ну теперь-то да.

– И вообще, Шам! Прекрати! Вдруг Василий Иванович услышит и подумает о нас что-то не то!

Смерть и впрямь выглядела настороженно и даже испуганно.

Впрочем, как обычно...

Бледная, худенькая и невозможно глазастая, про таких принято говорить «девочка Вэнсдей», Смерть умела видеть опасность в самых обыденных вещах, как-то соседская левретка, открытый люк или, о ужас! новая родинка на теле.

– Он ведь нас впервые в жизни видит! – продолжила Смерть. – А ты тут строишь планы о том, как его ограбить и...

– Классная пижама, кстати, – решила сменить тему шаманка и соскочила с мотоцикла.

– Правда? – Смерть мгновенно растаяла, покрутилась вокруг своей оси, а потом вдруг резко остановилась и натянула пижаму так, чтобы та стала в обтяжку. – Слушай, а тебе не

кажется, что-о-о-о...

– Нет, – безапелляционно ответила Шама. – Не выросли.

– Совсем-совсем?

– Совсем-совсем. И уже не вырастут. Смирись.

– Эх...

– Да не переживай ты так! Ты и без того красотка!

– Правда?

– Правда.

– Ты действительно так считаешь?

– Я действительно так считаю, – кивнула Шама. – Успокойся.

– Легко тебе говорить с такими дойками... ой! – Смерть опять сделала круглые глаза и даже прикрыла рот ладошкой. – Прости, я не хотела тебя обидеть...

– Ну что вы тут?! – это крикнула Стекловата, заглянув в гараж с улицы. – Уже посрать успели?!

– Нет-нет! – поспешила оправдаться Смерть. – Это не то, что ты подумала, я просто...

– Да мне плевать, если честно. Как устроились?

– Устроились, Тань, устроились, – сказала Шама. – Но могло бы быть и получше. А тебе, собственно говоря, чего?

– Да я так, проведать соратниц зашла. Спокойной ночи пожелать. И кстати! Вы, если что, завтра не удивляйтесь. Дольче сказала, что попытается Василия Ивановича охмурить и перебраться в дом.

– Ха, – криво ухмыльнулась Шама. – В своём репертуаре.

Ну что ж... интересно будет понаблюдать за этим шоу...

Удружил Величество, конечно. Обещал прислать элиту элит и будущее Империи, а в итоге подогнал толпу пигалиц. Элитных и боевых, но всё-таки пигалиц. И вот что мне теперь с ними делать-то?

Строить – скучно, да и не по-мужски как-то.

Воспитывать – так это вообще не ко мне.

Тренировать? Сами справятся, чай не маленькие уже. Да и к тому же, на них ведь даже наорать в случае чего... не то, чтобы нельзя. Неудобно как-то. Да и себе дороже, потому что начнутся сразу же все эти слёзы-сопли. Бабы всё-таки.

Короче...

Поначалу я решил учить девок самостоятельности. Ведь самостоятельность в нашем случае – это главный залог добрых взаимоотношений и комфортного сосуществования со мной. Пускай делают, чего хотят, лишь бы пореже в поле зрения попадали.

А там, глядишь, и практика закончится. Ну а второй раз я на это дело не подпишусь. Лучше на войну.

Теперь у меня был план, а план – это план. Когда есть план, то и переживать нечего, и потому уснул я крепко и глубоко. Тревожностью не мучился; в будущее смотрел с оптимизмом.

Вплоть до самого утра...

– Василий Иванович? Уже проснулись? – услышал я де-

вичий голосок, лишь спустившись на кухню.

Я-то шёл себе взлохмаченный, чесал в срамных местах и ожидал увидеть свой обычный завтрак в исполнении Кузьмича. Яичницу, несколько кругляшей жареной колбаски, стрелку лука с соседского огорода, а вместо этого...

– Я вам тут покушать готовлю.

Вместо этого на кухне уже крутилась одна из алытушек... ну... группа «Альта», алытушки, всё логично.

Короче.

Одна из них уже была тут.

Та, которая чернявая и сисястеньякая, с позывным «Дольче». Катя, если память не изменяет. Чертанова. Огневичка. Или нет... Или да... Личные дела девок я на ночь глядя просмотрел, но ясен хрен, что с наскока всё не запомнил.

– Круас-с-санчики, – пропела Катя и с какого-то хрена мне подмигнула.

На кухне тем временем царил настоящий бардак. Весь стол в муке, кругом скорлупки яичные и фантики всякие. А эта стоит в фартуке на голое тело и тесто месит обеими руками.

– Побоялась форму заляпать, – прокомментировала Дольче, поймав мой взгляд.

– Кузьмич?

Тут я увидел, что мой камердинер сидит в углу на высоком барном стуле. Щекой на кулак облокотился и наблюдает за алытушкой, не отводя глаз. И с нежностью такой смотрит, как

на детскую поделку из любви и шишек.

– А? – встрепенулся он. – Василий Иванович? Доброе утро.

– Доброе-доброе. А что происходит-то?

– Фройляйн предложила приготовить завтрак.

– Это я вижу. А происходит-то что?

– Вот дурёха! – крикнула Дольче. – Забыла добавить молочка!

А затем схватила со стола стеклянную бутылку. Открыла, значит, а потом вместо того, чтобы добавить в тесто, как давай из горла хлестать. Облилась вся.

– Ой, – улыбнулась и давай рукой по сиськам размазывать. – Какая же я растяпа. Вы уж не наказывайте сильно, Василий Иванович. Фартук я постираю. Хотите, прямо сейчас сниму и закину?

– Ы-ы-ы-ыкх, – выдохнул в углу Кузьмич и закинул ногу на ногу.

Не!

Я же всё-таки не кастрат! И подобные виды меня вдохновляют. И даже будоражат, я бы сказал. Но всё-таки мои вкусы касаемо женщин, они немного другие. Да и потом, она же моей сестре ровесница, а Иринке я как будто бы совсем недавно памперосы менял и с ложечки кормил. Так что...

Эстетически оно, конечно, приятно. Глаз порадовался, спасибо. Но чтобы слюни пускать, как Кузьмич – тут уж извольте.

Да и круассаны в конечном итоге получились – говно.

– Вам нравятся мои булочки? – спрашивала Дольче.

– Нравятся, – врал я.

– Пышные?

– Ага.

– Мягкие?

– Очень.

– Василий Иванович, а можно мы с девочками сегодня переночуем в доме?

– С хера ли?

– Чтобы быть поближе к вам. Рядом с таким мужчиной всяко чувствуешь себя безопасней.

– Тут везде безопасно, – ответил я и вколотил себе в глотку остатки круассана, чтобы этот хлебобулочный недоделок поскорее исчез.

Слава тебе яйца, завтрак закончился, а с ним и все эти сомнительные действия Чертановой. А ко мне в душу уже закрались сомнения насчёт... да насчёт всего. Если и остальные альтушки будут докучать мне с тем же рвением, то это беда.

Это так мой налаженный быт станет разналаженным.

А это плохо.

– Бойцы, – сказал я, собрав всех во дворе. – Пока что свободное время. Походите, осмотритесь вокруг.

– Так точно, Василий Иванович! – прокричала блондинистая, развернулась на сто восемьдесят и пошла исполнять.

Осматриваться, стало быть.

Вот от кого не стоит ждать проблем и вот с кем мы точно уживёмся, так это с ней. Её, кажется, Таней зовут. Друидка с богатым военным прошлым. Аббревиатуру её подразделения я сейчас не вспомню, но по факту она служила в специальном отряде для подавления возможных бунтов других специальных отрядов. Типа... охотница на спецназовцев. С соответствующей подготовкой.

Потом обязательно её с Лёхой познакомлю; для обмена опытом. Главное, чтобы он её на свои грибочки не подсадил. А то друид друида видит издалека...

– Я по делам. Кузьмич за старшего, – добавил я и пошёл прочь с участка.

И, к слову, не соврал ни разу. За аренду коровника я обещал председателю СНТ снопы сена к краю поля стащить. А впрочем, я этим каждый год занимаюсь. Мне не сложно, – делов на полчаса, – а экономия на сельхозтехнике внушительная.

– Василий Иванович?! – услышал я, выйдя за ворота.

Опять Чертанова!

– Василий Иванович, погодите! – чернявая бежала за мной так, будто пыталась оторвать груди.

Ей бы лиф хоть какой-то придумать. А то ведь, пока молодо, держится, конечно, но потом-то аукнется, да ещё как. Провиснет так, что хоть в рулон сворачивай.

– Чего тебе?

– Василий Иванович, а вы куда?

– На сеновал.

– Сенова-а-а-ал, – протянула Дольче и улыбнулась. – Хочу с вами на сеновал.

– И что ты там собираешься делать?

– Я вам... я вам помогу, – и волосики поправляет, стоит.

Вот ведь... Ну не посылать же её в задницу, верно? За что? Она ведь участие вроде как проявила.

– Ладно, пошли.

– Спасибо, Василий Иванович!

Какое-то время и впрямь шли тихо. Молча. За это я даже начал проникаться к Чертановой, но тут вдруг:

– Василий Иванович, а тут змеи водятся? – спросила Дольче.

– Водятся, – честно признался я.

– А ядовитые?

Вопрос, конечно, интересный. До появления в местных лесах Лёхи, здесь в основном обитали ужи, гадюки и медянки. Формально, из этого списка можно назвать ядовитой лишь гадюку, но бояться её укуса, будучи одарённым, – это смешно. Другой момент, что Лёха здесь всё-таки поселился, и теперь кого только среди местной фауны не встретишь.

– Некоторые ядовитые, – сказал я. – Тех, что яркого цвета лучше не трогать. Трёхглазых, двухголовых, летающих и говорящих тоже.

– Ой! – воскликнула Чертанова, дескать испугалась. – А

что делать, если всё-таки укусят?

– Врубить регенерацию и отсосать яд.

– А если не дотягиваешься, чтобы отсосать?

– Ну тогда попроси кого-нибудь другого.

– Поняла, – кивнула Дольче. – Если вдруг понадобится, Василий Иванович, то я вам обязательно отсосу. Только попросите.

– Так, – я резко остановился, развернулся и пошёл обратно к дому. – Сеновал отменяется. Сейчас вам задание придумывать буду.

А чего его, собственно говоря, придумывать?

Минуя этап с заброшенным коровником, поселю девок сразу же в доме Чего. Так они будут подальше от меня, а я подальше от них, и воцарятся между нами гармония и понимание, и вообще. Плюс ко всему какая-никакая боевая практика, да и местные перестанут зарослей шугаться.

А то из-за них сосед уже трёх коз недосчитался. Те же – создания тупые. Видят кустики и лезут щипать. А то, что кустики сами их схарчат за милую душу, не догадываются.

– Бойцы! – крикнул я, вновь собрав всех во дворе. – Как видите, моё скромное жилище не рассчитано на то, чтобы вас всех здесь квартировать. А потому ваше первое задание – найти себе базу. А если точнее, то отбить её у врага. Наш враг...

Расхаживая вдоль строя, я объяснил альтушкам, с чем им придётся столкнуться на заброшенном участке Лёхи.

– Тем более среди вас есть друид, – закончил я. – Так что выполняйте.

– Так точно, Василий Иванович!

В это же самое время.

Подмосковье, усадьба барона Малёваного

– Спасибо, что приехал, – барон Малёваный пожал руку Бубнову-Старшему.

– Да как тут не приехать? Нихрена себе!

Дело в том, что не только дети этих двух семей были знакомы между собой. Так уж вышло, что, будучи не слишком одарённым аристо, Сергей Викторович Малёваный частенько пользовался услугами безымянного ЧОПа, принадлежавшего Анатолию Бубнову по кличке «Берсерк».

Кличку эту Анатолий получил уже давно и случайно. Когда во время колки дров вогнал топор себе в ногу. Но! В отрыве от этой истории погоняло звучало внушительно, да к тому же прилипло намертво, и потому Анатолий был не против.

Правда вот, в своём изначальном варианте его прозвище звучало как «Берсерк Херов», но об этом можно и умолчать.

– Ну как сын? – спросил Берсерк, присаживаясь на садовый стул.

– Хреново, – вздохнул в ответ Сергей Викторович. – Людей боится, заикается, ссытся... На работу идти не хочет. А твои как?

– Лёшка вроде бы отошёл, вот только глазом постоянно дёргает и херню какую-то несёт про мотоцикл. А Саню из реанимации пока что не отпускают.

– Ну охренеть, конечно, – выругался Малёваный. – И что делать будем?

– Да понятно, что, – Берсерк прохрустел костяшки пальцев. – Закопаем ублюдка.

– Пробил информацию на его счёт?

– Пробил, – кивнул Бубнов.

– Аристократ?

– Вроде бы аристократ, но... чушь какая-то, Серёж. Я первый раз такой титул вижу. «Столп Империи».

– Это в официальных бумагах так прописано?

– Ага.

– Ерунда какая-то.

Сергей Викторович замолчал и на какое-то время задумался.

– И что означает этот «Столп Империи»?

– Да хрен его знает, Серёж, – пожал плечами Берсерк. – Но такого титула больше ни у кого нет, я проверял. А сам его род всего из двух человек состоит. Из него и младшей сестры Ирины Ивановны Скуфидонской.

– Младшей, говоришь?

– Младшей, – кивнул Бубнов. – У них разница двадцать с гаком лет. Молоденькая совсем.

– Ну вот и отлично! – Малёваный аж на ноги вскочил. –

Зуб за зуб, Толя! Глаз за глаз! Если этот ублюдок решил нашу молодёжь калечить, так, значит, мы его через сестру достанем! Пускай хлебнёт сполна! Где сестра живёт?!

– В Столице, Серёж. Отсюда час езды.

– Прекрасно! Твои ребята готовы?

– Ещё со вчера готовы, Серёж...

– Кузьмич, твою мать! Где сапог?!

– Несу, Василий Иванович!

На радостях я решил перенести уборку сена на завтра, а сегодня отдохнуть. Набил самовар щепой, разжёл, а раздуть как всегда нечем.

– Вот, Василий Иванович, держите.

– Ага, спасибо.

Признаться, не так я люблю чай, как сам процесс чаепития. Запах дыма, треск щепы, блики самовара на солнышке. А в чай, если что, можно и подлить чего-нибудь, чтобы повеселее шло, но это ближе к вечеру...

Слишком уж альтушки меня из душевного равновесия выбили. Не успели приехать, а уже. Талантливые девки, ничего не скажешь. Особенно Чертанова.

– Ну как тебе наши бойцы? – решил я узнать мнение Кузьмича на счёт происходящего.

– Очень приятные барышни, – сказал австрияка, задумался и добавил: – Но шепутные. Из-за молодецкой дурости и городского ритма жизни, к которому они привыкли, девуш-

ки пока что не в состоянии проникнуться вашим степенным существованием и по достоинству его оценить. Происходит рассинхронизация.

– Точно! – похлопал я камердинера по плечу. – Я бы лучше не сказал!

И тут, будто бы в подтверждение слов Кузьмича:

– Василий Иванович! – раздался крик по ту сторону ворот.

Ворота распахнулись, и на участок забежала Стеклова. Растрёпанная, запыханная, так ещё и с ног до головы в кровище. Хм-м-м... вот уж не ожидал, судя по личным делам, что у альтушек могут возникнуть проблемы с сорняками.

– Василий Иванович, беда!

– Что случилось? – улыбнулся я. – Не вывезли Лёхиных питомцев?

– Нет-нет, Василий Иванович! Другая беда! Ромашка... Ромашка, – девушка упёрла руки в колени и попыталась отдышаться. – Ромашка убежала!

– В смысле?

– В смысле она свой дар не контролирует!

Так... Ромашка – это у нас Юлия Юрьевна Ромашкина, самая молодая, самая высокая и без опыта службы. Блаженная такая немножечко. Помнится, вчера, как приехала, так сразу с крыжовенным кустом обниматься начала. А по дару она у нас... зверомаг. Эдакий друид с ограниченным функционалом, со зверушками болтает и всякое такое. По мело-

чи.

Так...

– И-и-и-и... Что? Что теперь-то, что она свой дар не контролирует?

– Обернулась и убежала! – отдышавшись, ещё раз крикнула Стекловата.

– Куда обернулась? – не сразу понял я.

– В оборотня обернулась!

– В какого ещё оборотня?

– В большого такого! – Таня жестами, как могла, показала мне масштаб проблемы. – Оборотня!

– Погоди-погоди, – сказал я. – Она разве не зверомаг?

– Нет!

– Так...

Я, конечно, когда читал сонный был, но ни о каких оборотнях в делах девочек не шло и речи.

– И что? – уточнил я. – Она совсем это не контролирует?

– Совсем, Василий Иванович! Как бы чего плохого не случилось! Она ведь кровавую баню устроить может! Звериные инстинкты, голод, все дела!

– А в какую сторону она побежала?

– Туда, – махнула Стеклова; и в её навыках ориентирования на местности я не сомневался ни разу. – Туда, Василий Иванович.

– Твою-то мать, – прошептал я.

Кажется, моя подопечная оборотнесса направилась в го-

род...

Глава 5

Из личного дела Юлии Юрьевны Ромашкиной под грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»:

«...район был оперативно оцеплен. Записи с видеокамер помещены в архив. С врачей и пострадавших взята подписка о неразглашении. Моральный и материальный вред возмещён за счёт казны. Ждём дальнейших указаний...»

«...для чистоты эксперимента объект был помещён под наблюдение под видом отдыха в оздоровительном санатории. Весь персонал, а также отдыхающие были заменены на сотрудников Канцелярии.

За время наблюдения сотрудниками были подготовлены несколько провокаций с целью вызвать у объекта очередной эпизод ликантропии. Таким образом мы подтвердили догадку о том, что наличие стрессовой ситуации служит для объекта катализатором. Однако из пяти разыгранных сценариев эпизод случился лишь в двух случаях.

Видеоматериалы прилагаются...»

«...очередной эпизод ликантропии произошёл у объекта совершенно спонтанно. Никаких предпосылок как-то конфликт, опасность или угроза для жизни не было. Отсюда мы делаем вывод, что объект всё-таки не проклят, а обладает магическими способностями...»

«...эпизоды становятся всё чаще. Вместе с тем увели-

чивается физическая сила объекта, а также воспроизводимые объектом силовые поля. Если так пойдёт и дальше, вскоре нам потребуются дополнительные человеческие ресурсы в лице гвардии Его Величества.

Рекомендации: Изоляция. Постоянное наблюдение. В случае усугубления ситуации и потери контроля физическое устранение определить Юлию Юрьевну Ромашкину в отряд «Альта».

Есть у меня такое неприятное чувство, что меня обманули. А мучиться догадками и молчать – оно дело бабье. Вместо того, чтобы накручивать себя, можно накрутить кого-нибудь другого. Так что:

– Стёпа! – прорычал я в трубку, хотя ни одного рычащего звука в имени «Стёпа» и близко нет.

Сейчас я широким шагом направлялся на участок Лёхи, где должны были быть остальные альтушки. И по пути решил набрать дружочку, чтобы прояснить ситуацию.

– Молчишь, с-с-с-сука?! – я на всякий случай проверил, что звонок идёт. – Стёпа, твою мать!

– Д-д-д-да, Скуф.

– У меня тут проблемы!

– У тебя? – Державин заискивающе хохотнул. – Проблемы? Да быть такого не может...

– Слышь! Ты мне там не это! Понял?!

– Понял, Скуф.

– То, что вы мне девок прислали, это ладно! Девка тоже человек! – я мельком глянул на семенящую следом Стекло-вату. – Но то, что вы мне липовые досье подсунули, – это что такое?!

– Что... такое? – повторил за мной Державин.

– Оборотня мне привезли, а я даже не в курсе!

– Э-э-э... ты о чём?

– Стёпа!

– Ладно-ладно, понял! – на своё счастье сдался Державин. – Скуф, тут такое дело. Настоящие дела девочек помечены грифом «совершенно секретно», и мне ни в коем случае нельзя их даже выносить из университета.

– Тебе нельзя, значит, я вынесу! – тонко намекнул я. – Охранную систему успели обновить?!

– Я понял, Скуф, понял! Попробую что-нибудь придумать...

– Отксерь ты их, херли тут думать?! Чтобы к вечеру у меня были!

На том я сбросил вызов и зашёл на участок Лёхи. Через калитку зашёл, что характерно. Через открытую. А ведь она уже три года как заросла и стала частью живой изгороди, и это значит, что прогресс в зачистке у альтушек всё-таки есть.

– Что случилось?! – рявкнул я, глядя на явно скучающих девок.

Вместо того, чтобы пробиваться дальше к дому, они сейчас сгрудились возле колодца.

– Это всё репейник! – нахмурилась на меня рыжая.

– Ты давай-ка на меня не хмурься! – сказал ей. – Что репейник-то?! Какой репейник?!

– Вот этот, – махнула куда-то в сторону неформалка с позывным «Шама». Остальные: Дольче и бледная – стояли будто в рот воды набравши.

Ага...

Среди зарослей травы действительно выделялась какая-то примятость. И там действительно лежал репейник. Здоровый такой, метра три в высоту. Почти антропоморфный, только без головы. Ноги-корни, толстый стебель-туловище и хренова гора отростков с гроздьями колючек, типа руки. И зная Лёхины творения, уверен, что эти колючки наверняка способны вскрыть танковую броню.

Способны были бы...

Раньше.

Теперь-то бобик сдох. Ствол разодран в труху и разодран явно что когтями. Ещё и сочится чем-то; наверняка, маслами репейными. Надо бы потом набрать баночку. Для профилактики облысения, так сказать.

Его-то я и принял за кровищу на форме Стекловаты. Цвет прямо один в один.

– Это его ваша подружайка так отделала? – спросил я, подойдя чуть поближе и рассматривая раны.

– Да, – ответила Шама. – Он на неё накинулся исподтишка, а она испугалась и вот...

– Ага, – кивнул я. – И часто с ней такое?

– Частенько.

– Понятно, – я осмотрелся и увидел дыру в заборе. – Туда побежала?

– Туда.

– Татьяна! – крикнул я.

– Да, Василий Иванович?!

– Ты же друид? Или с тобой тоже что-то не так?

– Друид, Василий Иванович.

– Следы читать умеешь?

– Умею, Василий Иванович.

– Тогда за мной, – скомандовал я. – А вы продолжайте!

Или снова в бане спать будете!

Признаться, с оборотнями я до сих пор не встречался. Но если рассудить логически, то преследовать мохнатое чудище на своих двоих – идея так себе. Я же на двоих, а она на четырёх, да и фора уже хрен пойми какая. Так что нечестно это.

А потому преследовать Ромашку было решено на мотоцикле.

– Ну чего стоишь? – спросил я у Стекловаты. – Люльки нету, залезай назад...

Долго ли, коротко ли, а мы почти нагнали Ромашку. И честно говоря, друидское «чтение следов» оказалось вообще ни к чему. Они же ведь как? По веточкам сломанным идут, по запаху, по травинкам примятым.

А тут не веточки были сломаны.

Тут, блин, целый шлейф из разрушений протянулся.

Сперва мы проехали мимо разломанного шлагбаума на въезде в Удалёнку. Затем мимо седого тракториста. Не знаю, был ли он таким до встречи с Ромашкой или нет, но факт остаётся фактом. Железный конь тракториста лежал на боку, а сам он ходил вокруг него, нервно курил и вслух повторял матершинные аффирмации.

Далее по трассе мы пронаблюдали вырванные с корнем дорожные знаки. Прямо вот вместе с кусками асфальта, что особенно доставляет. Стало быть, на совесть дорожники делают. И стало быть, в стране порядок.

Ну да ладно...

Затем был развал с арбузами.

Два загорелых мужика сидели на капоте барбухайки с краснодарскими номерами и молча смотрели на розовое месиво, которое осталось от их товара после того, как здесь побывал оборотень.

И ведь...

По сути, ничего такого ужасного Ромашка не натворила. Да, народищу она перепугала уже целую кучу, но до сих пор никого не убила и не покалечила. Складывалось такое впечатление, что она просто хулиганит.

«САКРАМЕНТО 2 КМ» прочитал я указатель и понял, что мои худшие опасения подтверждаются. Ромашка рванула в город и, наверняка, уже там.

– Сакраменто?! – вслух прокричала Таня.

Ах, ну да... Они же его по пути сюда не проезжали, вот и удивляется девка. Я сам лет пять подряд без улыбки не мог смотреть на это название. Круче может быть только Сакраменто-На-Дону, да только Дон от нас далековато.

А дело тут в том, что город наш совсем-совсем новый. И разросся он, как нетрудно догадаться, из элитного ЖК с одноимённым названием. Вот как-то так... Не... Ну а чо бы и не разрастись? Природа – сказка. Лес, грибы, охота. А если в Москву по делам надо, то на шоссе выскочил и через полтора часа уже там; и это я с учётом пробок говорю.

Короче...

К одному ЖК прилип второй, ко второму – третий, потом торговый центр забабахали, железнодорожную ветку протянули, и всё. Зацвёл Сакраменто буйным цветом, хрен остановишь теперь; недавно вон цирк на окраине появился. А название так и оставили. Шутки ради или из лени – это мне уже неведомо.

– Стоять! – стоило лишь свернуть с шоссе на съезд, как впереди возник солдатик с автоматом; а за его спиной так вообще военные джипы дорогу перегородили. – Разворачивай!

– Что случилось-то, уважаемый?

– В городе военное положение!

– Ага, – кивнул я. – А случилось-то что?

– Распространять информацию не велено!

Однако!

Быстро они среагировали. Молодцы, хвалю.

– Пропусти, – сказал я солдатику. – Мне ваше военное положение изловить надо, пока не пострадал никто.

– Пропускать никого не велено, что непонятного?! Разворачивай!

Дать бы ему подзатыльник, да с мотоцикла впадлу слезать. Так... корочек у меня с собой никаких нет, медалей с орденами тоже. Да и совместное фото с Императором я как-то с собой взять не догадался.

Зато у меня есть телефон!

– Владим-Саныч, – набрал я министру обороны. – Ну ты уже в курсе, да?

– Да-да, Скуф, в курсе. Стёпа уже звонил. К вечеру будут тебе досье на всех девочек, я дипломатической почтой вышлю.

– Да я не об этом! Тебя там в пузыре держат, что ли?! Ты министр вообще или где?!

– А что такое?

– В Сакраменто военное положение! А твои бойцы меня в город не пускают! Стою вот, думаю, то ли по обочине газануть, то ли машины их раскидать к херам собачьим.

– А, – сказал Владимир Александрович и тут же добавил: – О.

Потом помолчал о чём-то, судя по звуку, яростно клацая мышкой, и каким-то уж больно суровым тоном сказал, что

сейчас всё исправит.

Я убрал телефон и пока суть да дело обернулся на Танюху.

– Ну ты как? Не укачало?

– Нет, Василий Иванович! Всё в порядке, Василий Иванович!

Ай ты ж моя умница.

Не знаю, кто у них в отряде сейчас главный, но я один хрен главней. И, пожалуй, назначу командиром именно Стеклова-ту. Человек, видно, дисциплинирован. И её физическая форма это лишний раз подтверждает. Хотя на мой вкус, конечно, мышц у барышни чуть с перебором. Точнее... не так. На мой вкус их вообще быть не должно. Я что помягче люблю.

Тут рация на поясе солдатака что-то прохрипела, после чего он сперва вытаращил на меня глаза, а затем обернулся к своим и начал махать руками, мол, освободите проезд.

– Куда ехать-то хоть?! – крикнул я, проезжая мимо.

– В цирк! – слава тебе яйцам, солдатик сразу понял, о чём я, и сохранил нам всем хоть немного времени.

– Спасибо!

В цирк, стало быть.

Это она, что же, на запах пошла? Хм... Будем разбираться...

– Как бы чего плохого не вышло, – сказала Фонвизина. – Ай! Аккуратней!

– Я стараюсь! – ответила Дольче. – Не дёргайся! – и про-

должила аккуратно выпутывать колючки репейника из рыжей копны подруги.

В общем и целом, сейчас они были похожи на двух обезьянок во время ритуального вычёсывания блох. Такие же милые и такие же сосредоточенные.

Тем временем Шама, – она же Ксюша Шестакова, если без позывных, – хмурилась и нервно расхаживала туда-сюда вдоль колодца. Расхаживала-расхаживала и тут вдруг остановилась:

– Надо действовать, – сказала она. – Причём срочно.

– Если Скуф действительно настолько крут, как говорила Таня, – парировала Фонвизина. – Значит, справится сам.

– Справится-то он справится, а Ромашка? О ней ты подумала? Вдруг она пострадает? Она же монстр, с его точки зрения!

– И что ты предлагаешь?

– Спасать.

– Как?

– Угоним у него машину и поедем следом.

– Шама! – воскликнула до сих пор молчавшая в тряпочку

Смерть.

– Чего?

– Не надо!

– Отчаянные времена требуют отчаянных действий! – крикнула шаманка. – Соберитесь! Нужно выручить Ромашку! Она одна из нас!

А затем прогнала эмоциональный диалог о том де, что все они оказались вдали от дома и должны теперь держаться друг друга. А закончился он так:

– Я! – орала Шама. – Здесь! За группу «Альта» стою! Девки мне всё, и я всё девкам! Кто меня знает, тот в курсе!

– Шам, – Смерть робко подняла руку. – Мне кажется, ты просто хочешь угнать машину.

– И это тоже! – не стала врать Шаманка. – Но это лишь приятный бонус! А Ромашку и правда надо выручать! Кто со мной?!

– Убедила, Шам, – кивнула Фонвизина. – Мы с тобой.

– Да!

– Тогда пойдёмте уже скорей! Только время тратим! – с тем Шаманка уверенно зашагала прочь с Лёхиного участка.

Толпа заряженных девок последовала за ней. Вскрывать гараж не понадобилось, он и так был открыт для группы «Альта»; в углу до сих пор покоились два аккуратно сложенных комплекта белья с матрасами. На стене пульт с двумя кнопками – зелёная, чтобы поднять рольставни, красная, чтобы опустить.

Всё просто.

Ворота с участка тоже не сказать, чтобы были препятствием. Внутри Удалёнки закрывать двери считалось не то чтобы моветоном, но глупостью. За все десять лет, что здесь проживал Василий Иванович Скуфидонский, краж в посёлке не случилось ни разу. Лишь единожды Скуф реквизировал у де-

да Макара трёхсотлитровую бочку для дождевой воды, но то было сугубо с целью тушения пожара.

Ну и, наконец, в том, чтобы завести машину тоже не было никаких проблем. Ключи висели на гвоздиках прямо в гараже. Бери – не хочу.

Ни паролей, ни лазерных сигнализаций, ни даже сканеров сетчатки.

Загвоздка состояла лишь в том, чтобы выбрать между джипом и кабриолетом.

– Шам, он двухместный.

– Ну значит сядьте друг другу на коленки. Или... в багажник, может?

– Шама, нет, – Фонвизина сняла с гвоздя ключ от джипа и протянула подруге. – Мы поедем на этом.

– Ну ладно...

Ну и ещё – нужно было как-то избавиться от Кузьмича. После того, как хозяин с криками негодования укатил куда-то на мотоцикле, камердинер и без того был настороже. Ходил неприкаянный и всё никак не мог взяться за домашние дела.

Тут выручила Дольче, и все её гипнотические ложбинки.

– Прошу прощения, дорогой Кузьмич, – девушка с ходу вторглась в личное пространство мужичка и положила ему на плечо ладошку. – Вас же так зовут, верно?

– Вообще-то, – первые секунды силился сопротивляться камердинер. – Вильгельм Куртович. Но для вас, девочки,

да... Кузьмич.

– Ой как интересно! – засмеялась Дольче, хотя смеяться было откровенно не над чем; зато так можно было вызвать дрожь груди и окончательно похоронить волю Кузьмича. – Вы такой забавный, Вильгельм Куртович!

– Э-э-э... Да...

– А может, растопим баньку? – Дольче похлопала ресничками. – Я вчера в парилке веники видела. Отшлёпаете меня?

– Ы-ы-ы-кх, – простонал Кузьмич. – Отшлёпаю всенепременно.

– Вам нужна какая-то помощь? Дров принести или...

– Нет-нет! Я сам! – крикнул Кузьмич и помчался в сторону бани. – Всё сам!

– Спасибо, Вильгельм Куртович!

Дольче довольно посмотрела ему вслед, а затем пошла отпирать ворота. И уже спустя секунду к ней, нервно дёргаясь, подкатил чёрный военный джип с массивным кенгурятником. Нервно дёргаясь – это потому, что Шестакова была знакома с ручной коробкой передач лишь в теории.

– Запрыгивай, красавица! – улыбнулась Шама, Дольче залезла на заднее сиденье, и джип покинул участок Скуфа.

Итак...

Дольче и Смерть позади, Шама за рулём, а Фонвизина на пассажирском. При этом рыжая аристократка сразу же начала вести себя по-хозяйски: настроила под себя сиденье, опустила зеркальце, а теперь вот, копалась в бардачке.

– Старьё какое-то, – прокомментировала она, разглядывая коллекцию дисков Скуфа.

– Не старьё, а классика, – спалила находку Шама. – Поставь что-нибудь.

– Да я не знаю ничего из этого. Вот это пойдёт? – Фонвизина показала компакт-диск с обложкой, на которой волк с гранатомётом и голая девушка с двумя обоюдоострыми топорами сидели верхом на мотоцикле, а где-то в небе над ними сражались два дракона.

– Да-да, в самый раз!

Проигрыватель проглотил диск, и вся дальнейшая дорога проходила под чарующие ритмы хэви-металл. Сперва группа «Альта» проехала разломанный шлагбаум, затем миновала седого тракториста и дальше-дальше-дальше, по следам из выкорчеванных дорожных знаков.

Ну а потом возникли проблемки.

Впереди показался развал с арбузами. Краснодарские мужички к этому времени уже дождались наряд полиции. Вот только приехал наряд на патрульной машине ДПС, наверняка, за этим стоит какая-нибудь интересная история, и чтобы не терять времени зря, пока его товарищи выписывали пострадавшим штраф за несанкционированную торговлю, инспектор дорожной службы решил помахать палочкой и выборочно проверить несколько машин.

– Божечки-божечки-божечки! – в панике заметалась на заднем сидении Смерть, когда ДПС-ник жестом попросил

машину остановиться. – И что мы ему скажем?!

– Ничего мы ему не скажем! – хохотнула Шама. – Не ссы!

– Ты что, не остановишься?!

– Нет.

– Ты шутишь?!

– Рит, – обернулась к подруге Фонвизина. – Мы – элитный отряд магов, заточенный на закрытие аномальных трещин. Нам закон если и писан, то явно не ими.

– Во! – крикнула шаманка. – Её Светлость дело говорит! – и прибавила газу.

– Ах ты ж! – воскликнул инспектор, когда джип на полной скорости пронёсся мимо и чуть не отдал ему ногу.

Он тут же бросился к патрульной машине, врубил мигалку и начал погоню.

– Чёрный внедорожник с номерами «СКУ001», немедленно прижмитесь к обочине! – орал матюгальник где-то позади.

– Ага, – Шама посмотрела в зеркало заднего вида и криво ухмыльнулась. – Щас.

– «Сакраменто», – задумчиво прочитала дорожный знак Фонвизина. – Кажется, нам сюда. Видишь, столбы полома- ны?

– Уверена?

– Да-да! – крикнула рыжая. – Вон, гляди, военные на дороге стоят! Точно сюда!

– Поняла, – кивнула Шестакова. – Сделаем. Девки, вы там

сзади пристёгнуты?!

– Пристёгнуты, – ответила Дольче. – А что?

– Сейчас потрясёт маленько.

С тем шаманка резко свернула с шоссе на дорогу в Сакраменто, втопила ещё сильнее и понеслась прямо на военных.

– Ты что, на таран идёшь?!

– Да не ссы ты, говорю! – крикнула она и в самый последний момент вывернула руль.

Гравий вперемежку с обочечной пылью полетел в лица перепуганных военных, а внедорожник Скуфа внезапно оказался вне дороги. Буквально созданный для езды по пересечённой местности джип даже не заметил, что покинул асфальт. И трясло, к слову, не так уж и сильно.

– У-у-у-у! – Шама довольно погладила руль. – Зверь-машина!

Крики из матюгальника остались где-то позади, а группа «Альта» неслась в Сакраменто по незасеянному полю разнотравья.

– Смерть, а слабо на ходу букет цветов собрать?!

– Отстань! Мне всё это не нравится!

– Кхм-кхм, – прокашлялась Фонвизина. – Да, Шам. Может, вернёшься на дорогу?

– Да бросьте вы, девки! Хорошо идём!

– Там впереди лес.

– Не лес, а посадки! Нам с таким кенгурятником молодняк не страшен! Ах-ха-ха-ха!

По левую руку от нас появились жилые многоэтажные массивы Сакраменто, а по правую всё так же шёл лес. Минута езды, и вдалеке наконец-то показался красно-белый натяжной купол. Милые антуражные фургончики, палатки с тиром и сладкой ватой, а чуть позади пятиэтажное здание администрации.

Всё-таки цирк стационарный, а не кочевой. Совсем недавно построились, а уже всяких национальных наград и премий нахватили на всю жизнь вперёд.

Вот...

Ну да сейчас не о цирке.

Сейчас о солдатах, которые этот цирк взяли в оцепление. Некоторые сомнения на их счёт я начал испытывать ещё издавелека. Форма у них была не простая; чёрные кителя с красной грудкой и сапожищи по колено. То ли военные, то ли отряд по борьбе с трещинами, а то ли ещё кто...

Вдруг какие-нибудь специальные цирковые войска появились, а я и не в курсе?

Так-то после войны уже три реформы было. И силовиков могли уже трижды переодеть, а я за этим не следил. Я в последнее время всё как-то больше за пчёлами наблюдаю. Зато со мной прямо сейчас был человек, который, наверняка, шарит во всех этих различиях.

– Татьяна! – крикнул я, заворачивая к цирку. – Это кто?!

– Егеря Его Императорского Величества! – крикнула в от-

вет Стекловата.

А вот это плохо...

Эти ребята Владим-Санычу не подчиняются, у них своё руководство. И как мне помнится со времён войны, руководство заносчивое и... да чего уж там? Охреневшее.

– Всё в порядке, ребята! – крикнул я, заглушив мотор. – Я приехал. Ну и где оборотень?

– Посторонним вход воспрещён!

Опять двадцать пять.

Вот только звонить Величеству – совсем не вариант. У него и телефона-то нет. К нему надо через Костю, главу Тайной, пробиваться. А там пока звонок согласуют десять тысяч раз, пока линию без прослушки организуют, пока то, пока сё...

Так что не.

Тут не связями надо пробиваться, а сугубо личным обаянием и харизмой.

– Василий Иванович Скуфидонский, – представился я. – Столп Империи, – и на всякий случай надавил на солдатаика аурой, да так, что даже Стекловата поморщилась. Пускай с порога понимает, с кем имеет дело. А он ведь одарённый; он поймёт.

– Столп? – перебарывая головокружение уточнил гвардеец. – Это как?

– Это ты у старших своих спросишь, – сказал я и ослабил хватку. – Вот только потом. А сейчас давай-ка, проводи нас

к этим самым старшим.

– А барышня? – паренёк кивнул на Стекловату.

– А барышня тебе не барышня, а боец из группы «Альта».

Времени не теряй! – прикрикнул я на егеря, отчего тот сразу же взбодрил конечности и повёл нас к цирку.

Судя по тому, куда были направлены стволы егерей, Ромашка бесновалась где-то под основным куполом. Не исключая, что пошла на запах лошадей. У нас ведь в округе фермерских хозяйств нет. Ранчо карликовых коз деда Макара да кое-кто по одной голове держит; коровку там или свиношку. Ну а соваться в Лёхин лес и злоумышлять против местной животины чревато; это и браконьеру понятно, и оборотню.

Вот, наверное, Ромашка и побежала на запах навоза.

– Виталий Евгеньевич! – гвардеец вытянулся по струнке перед рябым мужиком с погонами; примерно моим ровесником. – Виталий Евгеньевич, это к вам!

– Скуфидонский, – я сразу же протянул руку. – Василий Иванович.

И, что характерно, Виталий Евгеньевич руку пожал; вот только, не глядя, пялился сейчас во все глаза на план пожарной эвакуации, расстеленный на стойке тира.

– Свободен, – сказал он своему бойцу.

Ну а я краем глаза осмотрелся.

Финансируют Императорских егерей, конечно, от души – в технике, огнестреле и всяких взрывающихся штуках ребята неограниченны. Да и магией прямо фонит в воздухе. У

каждого егеря, должно быть, по несколько артефактов.

Ну а ещё бы! Всё-таки ребята особые поручения выполняют и внутренних врагов Империи изничтожают.

Обычно. С какого хера они вдруг сейчас здесь оказались, не совсем понимаю. Это либо Сам приказ отдал, либо звёзды сошлись и отряд оказался неподалёку, либо ещё что-то...

– Так, – Виталий Евгеньевич наконец-то оторвался от плана. – Наслышан о вас. И что же вы хотели, Скуфидонский?

– Я хотел бы зайти в цирк и забрать свою подопечную, – честно ответил я. – А в идеале так, чтобы мне не чинили препятствий.

Виталий Евгеньевич улыбнулся мне, я улыбнулся Виталию Евгеньевичу, и на какой-то момент мне показалось, что, всё, конец истории. Зашли и вышли. Однако всё оказалось не так просто.

– «Подопечная» – это монстр, что ли? – спросил Виталия и резко перестал улыбаться. – Об этом не может быть и речи.

– Почему?

– Потому что приказ о физическом устранении твари уже отдан.

– Кем отдан?

– Мной.

Ага...

Бычит, стало быть.

– Группа войдёт в здание через несколько минут, – тут Виталия посмотрел на свои богатые командирские часы. – И

всё. Чем меньше монстров, тем легче дышится, уж кому, как ни вам, об этом знать, Скуфидонский?

Глава 6

Ага...

Тут личное что-то, стало быть. Вот и бычит. Но! Я же не знахарь душ человеческих, мне на чужие психотравмы и мотивации, мягко говоря, насрать. Я здесь вообще не за этим.

– Повторюсь, – пока ещё дружелюбно сказал я. – Это не монстр, а член группы «Альта». Моя подопечная.

– Не имеет значения.

– Ага, – сказал я и обернулся на Стеклолату, которая от злости аж побагровела. – С кем имею честь?

– Граф Виталий Евгеньевич Чичканов, командир Третьего отделения Егерей Его Императорского Величества, – как следует представился рябой.

– Граф, – последний раз попытался я. – Отзови людей.

– Приказ уже отдан и не обсуждается! – и тут Чичканов начал истерить. – Скуфидонский, вы мешаете мне работать! Хотите вы того или нет, а эта мерзкая тварь всё равно будет уничтожена!

Что ж. Когда все просьбы озвучены, а доводы приведены, но меж собеседниками так и не возникло взаимопонимания, именно тогда-то можно и нужно начинать ломать лицо. Но я всё-таки не разбойник какой-то, а потому предупредил:

– Ты осознаёшь мои полномочия, граф? Знаешь, с кем разговариваешь?

– Это не имеет значения! На момент операции...

– Сейчас ударю.

– Чего?

Бах!

Выучка у главного егеря оказалась на высоте.

В последний момент граф буквально на автомате успел натянуть свои дряблые барьеры и тем самым чуть было сам себя не угробил.

Мне же надо как-то силу рассчитывать! А всякие магические препоны мешают это делать! Чуть больше в кулак волю и, всё, могу и за мозг схватить нечаянно!

– М-м-м, – пробормотал граф, схватившись за расквашенный нос, сделал неуверенный шаг в сторону и обмяк.

Впрочем, не упал. Стекловата уже была тут как тут; подхватила Чичканова под мышки и сразу же поволокла прятать тело за стойку. Умница. В ситуации сориентировалась мгновенно. И во многом благодаря ей никто из егерей не заметил потери командира.

– Приказ отменяется, – взял я со стойки рацию. – Внутрь не заходить, держать оцепление, – затем чуть подумал и добавил: – Пропустить в цирк парламентёров.

В ответ понеслись задрюченные: «Так точно!» – и всё такое прочее.

– Ну пошли выручать твою подругу, что ли? – улыбнулся я Стекловате.

– Спасибо, Василий Иванович...

– ...Василий Иванович нас убьёт!

– Ква-а-а-а-а-а! – как будто бы соглашаясь со словами Смерти проквкала жирная августовская лягуха, сидя на лобовом стекле.

Да действительно приваренный к морде джипа стальной кенгурятник косил молодые деревья, всё равно что опасная бритва жидкие подростковые усы. Но за посадками внезапно начиналась топь.

И тут уж ничего не поделаешь.

В одно мгновение морда машины нырнула вниз и намертво увязла. Шама тут же попыталась сдать назад, но без толку – передние колёса уже всюду месили болото, а задние торчали высоко над землёй.

– Шама, – нахмурилась Фонвизина, переварив первый шок. – У меня дверь не открывается.

– Так понятное дело!

«Бу-ульк!» – тут болото пошло пузырями, и машина стремительно двинулась ко дну.

– Назад! Все назад! – закричала Шаманка. – Выпрыгивайте через багажник!

– О-о-о-ой-ой-ой-ой, – запричитала Смерть и полезла на выход через заднее сиденье...

Не помню, когда последний раз был в цирке. Ну вот не увлекаюсь как-то; не прёт. Особенно бесят клоуны... этот их

неуёмный беспричинный оптимизм да ещё привычка вытаскивать на арену людей, которые максимально не хотят, чтобы их вытаскивали. И ладно, со взрослыми. Но насколько же нужно быть лишённым эмпатии психопатом, чтобы провоцировать такое с дошколятами? Так бы и ломал эти наглые разукрашенные рожи.

А вот, кстати, и они:

– Там! – пробежали мимо нас два мужика со смазанным гримом. – Там!

– Благодарю, – кивнул им вслед.

Пускай снаружи цирк и казался шатром, внутри всё было сделано цивильно и по уму. Сперва кассы, потом зона ожидания с торговыми лотками и только потом сама арена. И вот ко входу на неё мы с Танюхой сейчас как раз и подходили.

Судя по вою и грохоту, где-то за этими дверями лютовала Ромашка.

– Слушай, а как же вы её раньше успокаивали? – спросил я у Стекловаты.

– Как правило снотворным внутримышечно, – ответила альтушка. – У меня шприц с собой, если что.

– Не надо шприцов.

– А-а-а-аа! – тут двери резко распахнулись, и в меня буквально врезался какой-то доходяга в лосинах, цилиндре и с хлыстом в руках; должно быть, дрессировщик.

Во!

Удачно, своевременно, да и вообще ништяк!

– Дай-ка, – попросил я у дрессировщика, а тот только и рад был расстаться с хлыстом; дальше побежал налегке.

Аккуратно вырубить Ромашку, конечно, можно. Но это решит проблему лишь до следующего приступа, верно? Зверюга вернётся и будет уверена в своей правоте, а потому опять побег, опять погоня, опять вырубалово. Опять эти никому не нужные нервы.

Так что тут нужно по-другому действовать.

Оборотень ведь у нас кто? Оборотень – это почти что волк. А волк – это почти что собака.

А собаку бить – только затравливать. Такие методы не для нас. Это только для живодёров типа Чичканова подходит. А мы сейчас Ромаху воспитаем и подвергнем дрессуре. А то она ведь сейчас как оборзевший щенок, который силу хозяйской руки никогда не чувствовал.

Потому-то и барагозит, скорее всего. Границы дозволенного проверяет. И не видит их раз за разом.

– Готова? – спросил я на всякий случай у Танюхи и для пробы щёлкнул хлыстом.

– Готова, – кивнула альтушка.

– Ну пошли.

Итак...

С порога стало понятно, что зрительному залу потребуются капитальный ремонт. Все сиденья разодраны в труху, так ещё и какая-то металлоконструкция на ряды свалилась, надеюсь только, что не несущая.

По манежу раскиданы остатки качелей и клоунского смарт-кара, а прямо в центре она. Ромашка в своём зверином ампула. Припала мордой к земле и ноздрями играет, вынюхивает что-то.

И к слову!

Хм-м-м...

А ведь хороша, чертовка. В том плане, что выглядит внушительно. Не каждая тварь, что из другого мира через трещину вылезла, может похвастаться таким же грозным видом. Когти – во! Зубы – во! Серая шерсть дыбом, ноги мускулистые, и грудная клетка вздымается, как кузнечные меха. А глаза прямо адским пламенем горят.

И это, кстати, не метафора.

Реально красным светятся.

Ярко, блин.

Что до размеров, то тут пока что затрудняюсь что-то сказать. Но вес и объём оборотня явно отличались от веса и объёма обычной Ромашки. Та хоть и высокая, но худенькая; воздушная вся такая, лёгкая. А тут масса килограмм, не соврасть, на триста. И почти всё мышцами.

Тварь нас пока что не заметила, зато я заметил среди разгромленных рядов какой-то пульт. На диджейский чем-то похож, только без крутилок.

– Тань, – шепнул я. – Иди и посмотри, что это за агрегат. Если получится, выруби весь свет, кроме прожекторов, которые на арену светят.

– Есть, – Стекловата кинулась исполнять.

И даже не спросила зачем... даже обидно как-то. А размышлял я сейчас так: если оборотень больше зверюга, чем человек, то, как олень попадёт в свет фар и в кромешную темноту не сдрыснет. Тут-то я её и воспитаю.

– У-у-у-у! – провыла Ромашка, задрав морду к небу, а затем начала озираться. Не затравлено, а вот вообще наоборот... с эдаким охотничьим азартом.

Ну ладно, чо?

Мой выход.

– Ромашкина! – рывкнул я, назидательно щёлкнул хлыстом и начал спускаться по ступеням на арену. – Ромашкина, хорош дурковать! Ну-ка оборачивайся обратно!

Ага...

Хрен там плавал.

Оборотень среагировал на меня как на красную тряпку и тут же рванул в атаку. На четырёх костях Ромашкина перемахнула через край манежа и прыгнула, зубами выцеливая горло. Поймал её на руку, как те бедолаги в дутом войлочном костюме, на которых кинологи собак спецом натравливают.

Поймал и вот о чём подумал: это ж какая сильная зараза!

Не то чтобы она была в состоянии прожать мой барьер, но я прям... я прям напрягся даже как будто бы. Для восемнадцатилетней звиздючки мощна; очень мощна, вообще базару нет.

Ещё бы научилась свой дар контролировать, и можно бу-

дет тогда Ромашкой забугорью грозить, как ядерным запа-сом или такой-то матерью.

– Э-э-эть! – бить я её не стал; вместо этого откинул по-дальше, а сам-таки спустился на арену.

Ромашка перекувырнулась пару раз, эффектно затормо-зила когтями и сразу же рванула атаковать повторно. И в этот же самый момент...

– *Пам-пам-па-ра-ра-ра-ра-пам-пам!* – заиграла на весь цирк музыка. Ну... Такая... Под которую жонглируют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.